

Печерский Благовестник

Журнал

Киево-Печерской Лавры

№ 1 (15) / 2026

О жизни Лавры и не только

Издается по благословению
Блаженнейшего Митрополита
Киевского и всея Украины **Онуфрия**,
Предстоятеля Украинской
Православной Церкви,
Священноархимандрита
Киево-Печерской Лавры

Под редакцией
Высокопреосвященнейшего **Павла**,
митрополита Вышгородского и
Чернобыльского, наместника
Киево-Печерской Лавры

Редакционная коллегия:

Архимандрит Симеон (Тришук)
Архидиакон Евфимий (Лосяков)
Иеродиакон Лонгин (Задорожний)

Литературный редактор:

Иеродиакон Соломон (Цимох)

Фото:

Архимандрит Варлаам (Бурнос)
Архимандрит Симон (Новиков)
Иеродиакон Исаакий (Пономарев)
Иеродиакон Тит (Яшкин)
Алена Нарцисса

Корректор:

Архимандрит Симеон (Тришук)

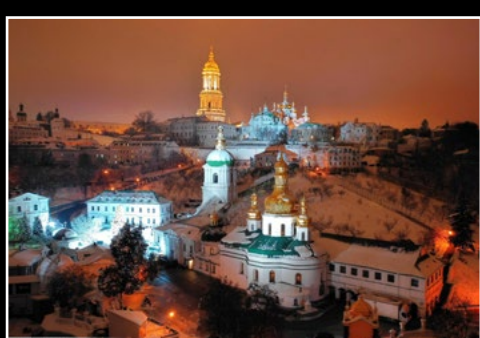
Дизайн, верстка:

Иеродиакон Лонгин (Задорожний)

Тіпографія Києво-Печерської Оуспенської Лаври

2026

Содержание

Интервью с Предстоятелем

Мир в ожидании Рождества 5

Слово Наместника

Радость Рождества Христова..... 9

События

Пою Богу моему... 12

Богословие

Иисус Христос. Начало Евангелия 19

Духовное отцовство..... 25

Страницы Лаврской истории

Преподобный Сисой схимник 33

Воспоминания профессора Никодимова 35

Праздник Рождества Христова в Лавре 38

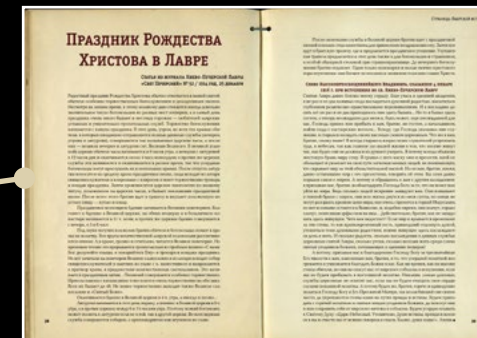
Лаврский период жизни
святителя Владимира 41

У книжной полки

Чехов: искусство снимать
налет фальшивости..... 52

Мгновенья поэтического вдохновения 58

Рекомендуем для чтения..... 60

Мир в ожидании Рождества

Интервью с Блаженнейшим Митрополитом Киевским и всея Украины Онуфрием

Ваше Блаженство, зачем Спаситель родился, пришел в этот мир?

— Сын Божий пришел в мир, принял на Себя человеческую природу, чтобы очистить и спасти ее. А также напомнить нам о том, что человек сотворен для вечного блаженства, для жизни с Богом. И в это вечное блаженство, в эту небесную жизнь Господь приглашает всех, каждого человека. Мы вспоминаем о том, как Матерь Божия, Преподобная Дева Мария, не найдя места в Вифлееме, пошла за город в пещеру, куда загоняли во времена непогоды и холода бессловесных животных. В той пещере и совершилось Таинство, Пришествие, в течение тысячелетий воспеваемое пророками, на которое уповало все человечество: в той пещере родился Сын Божий, пришел на землю, чтобы спасти грешного человека. А Вифлеемская пещера стала местом, где Небо соединилось с землей, где сошел на землю Божий мир и Божие благоволение.

— **Человек переживает разные моменты в жизни — радости, скорби. Они присутствуют и в праздновании Рождества. Бог пришел на землю и сразу начался путь страданий — Ирод, бегство в Египет... Нужно ли в этот праздник вспоминать скорби или надо сосредоточиться только на радостном?**

— Святая Православная Церковь вспоминает скорбные события для нашей духовной пользы.

Христос, Царь мира, родился не в роскошном дворце, а в убогой пещере, и этим Церковь нас учит, что человек должен жить разумно и сдержанно на земле, ему не следует свое сердце заполнять непотребными греховными мыслями и чувствами. Господь показывает, что человек так же должен принять в свое сердце Спасителя, как убогая пещера приняла Царя мира. Христа преследовали — и нас, верующих, мир не понимает и часто угнетает. Самое важное, что нам сегодня нужно помнить: если мы хотим, чтобы Господь вселился в наше сердце, оно не должно быть вертепом разбойников, то есть греховных желаний, гордыни, мести, злобы. Наше сердце следует наполнить благими мыслями, чувствами и желаниями. И, конечно же, радостью о рожденном в Вифлееме Богомладенце.

— **Рождество — это праздник детской радости, подарков. Но как делать подарки ближнему, особенно тому, к кому не всегда проявляешь сердечное расположение?**

— Все наши ближние — добрые люди, но не каждый из них овладел цельным познанием добра и истины, не все еще могут быть носителями духа Христова учения. Нам самим нужно жить праведно, любить Бога и в Нем любить своего ближнего таким, каков он есть, несмотря на степень его веры. Мы должны помнить, что сами являемся грешными, немощными, слабыми и не в нашей

силе исправить человека. Изменить его может только Бог. Нам следует помолиться о ближнем, а если и это у нас не получается — то хотя бы не осудить его. И такое действие будет первым нашим правильным шагом любви к ближнему, нашим для него подарком к Рождеству.

— **Что для нас должно быть самым главным в празднике Рождества Христова? Если нужно было бы охарактеризовать значение Рождества одной фразой, какую бы Вы использовали?**

— Христос Спаситель пришел в мир не в окружении бурных событий человеческой цивилизации, а в нетленной красе человеческой простоты и скромности, свидетелями которой были бессловесные животные и чистосердечные пастушки. И напомнил нам о том, что земная жизнь является лишь коротким промежутком времени, за который человек должен приготовить себя к вечности. Смирненное явление Младенца Христа в пещере уже является первой проповедью Евангелия, разрушающей ошибочные представления об идеалах богатства и земного владычества, о достижении земного счастья путем греха. Совершается великая благочестия тайна: Бог является во плоти. Небо склоняется к земле, Господь несет человечеству мир небесный, мир благодати и любви, мир победы добра над злом, света над тьмой, святости над грехом. Поэтому каждая благочестивая душа в эти дни исполняется этой особой радостью и подсознательно поет песню, которую пели ангелы вифлеемским пастухам: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2:14).

— **Сам Бог пришел к Своему творению... Как нам, христианам, живущим в XXI веке, осознать и не потерять за жизненной суетой главного: ради чего стоит жить и страдать?**

— Ради благодати Божией. К тому, кто ищет истину, призывается благодать. А кто не ищет истины, а живет ложными идеалами, будет искать развлечений и останется в одиночестве. Хотя Господь и посылает такому человеку благодать, но он не воспринимает ее. Когда Бог видит, что человек откликается на Его призыв, то посылает ему Свою благодать, чтобы он смог победить свои

страсти, исправить поврежденную грехом природу своей души, соединиться с Творцом своей жизнью, действиями, любовью к людям, к земле, своей родине. Ведь без любви к Богу нельзя по-настоящему любить людей, свой народ и другие народы, нести мир, правду, добро. Наша встреча с Господом происходит, прежде всего, в нашем сердце. И чувства христианина в дни рождественских праздников подтверждаются содержанием этого самого большого события в истории человечества: Христос рождается, Спаситель мира приходит к нам. Сын Божий принимает на Себя человеческую плоть и смиренными обстоятельствами Своего пришествия в бедном вертепе, в известии о Своем рождении бедным пастухам показывает Свою Божественную любовь, мир, радость, спасение.

— **Вопрос о том, без чего невозможно принять Рождество Христово в сердце. Как научиться прощать? И что такое прощение, это — примирение?**

— Во времена всяких смут, восстаний, братоубийств, войн возрастает зло. И когда человек в условиях прогрессирующего зла вместо того, чтобы мстить своему врагу или обидчику, прощает ему или любит его, вместо того, чтобы воздать зуб за зуб и око за око, воздает добром, то такой человек погашает зло. Мсть не уменьшает, а умножает зло. Зло было выражено в одном ударе, а потом получилось два удара. Когда человек прощает своему обидчику, то мировое зло в конце концов угасает. И это уничтожение зла происходит, в первую очередь, когда мы приносим Богу и ближнему духовные плоды, которые, по слову апостола Павла, есть любовь, радость, мир, долготерпение... (Гал. 5:22).

— **Ваше Блаженство, Украинская Православная Церковь на сегодняшний день находится в непростой ситуации. Это захват церковей, дискредитация УПЦ в прессе... Как нам на это реагировать?**

— В этой ситуации мы понимаем, что у нас есть своя дорога, которую мы себе выбрали, — это дорога к Богу, которую мы должны пройти. Мы понимаем: много тех людей, которые кле-

вещут на нас, на нашу Церковь. В большинстве своем это люди, которые не осознают, что творят. Но я хочу сказать этим людям, что я на них не обижаюсь, ни на кого. Я молюсь и люблю их и желаю им Божиего благословения. Я думаю, что они поймут, что сделали ошибку. Человеческие институты, которые они строят в земной жизни, требуют корректировки. Так мы устроены. Церковь построил Бог, а не мы, и в корректировке она не нуждается. Они переводят стандарты человеческих институтов на Божественные. Корректировать Церковь — это значит поправлять Бога, Который совершенен. Мы это знаем и корректируем себя по отношению к Церкви, а не Церковь по отношению к себе.

То, что захватывают храмы, — это продолжение неправильного понимания нашей Церкви, попытка, если не получается с помощью слова, то используя насилие, сделать нашу Церковь такой, какой они хотели бы ее видеть. Никто, кто боролся или борется с Церковью, никто никогда не выиграл. И все такие люди будут всегда в проигрыше.

— **Сегодня многие испытывают страх перед будущим. Как научиться безбоязненно смотреть в него? И что Вы, Ваше Блаженство, пожелаете всем верным чадам Украинской Православной Церкви?**

— Всем и себе хотел бы пожелать милости Господней, прощения за наши грехи и Божьего благословения, чтобы каждому из нас достойно донести свой земной крест, не бояться жизненных скорбей и испытаний и сподобиться стать наследниками Царства Небесного. Когда Господь родился, появилась чудесная звезда на небосклоне, и мудрые люди, которые следили за движением небесных светил, увидев эту звезду, поняли, что в мире произошло какое-то незаурядное событие. Эта звезда и теперь сияет для всех нас — и для тех, кто познал Бога, и для тех, которые ищут Его или не принимают. Если человек внимательный к себе, ко всему, что его окружает, он обязательно увидит эту звезду. И она приведет его ко Христу. Желаю всем не потерять в своей жизни свет этой звезды и идти вслед за ней духовным путем спасения, путем, который освятил Своим Рождеством Господь и Бог наш Иисус Христос ■

фото: Василий Сивилкин

РАДОСТЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ПРОПОВЕДЬ МИТРОПОЛИТА ПАВЛА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Рождество Христово — величайший праздник, знаменующий собою неизреченный дар любви и милосердия Божия к нам грешным — явление Сына Божия на земле, спешшего с Небес по всеблажной воле Бога Отца для нашего с вами спасения, воплотившегося от Духа Святого и Девы Марии и вочеловечившегося.

Исполнились все пророчества, сказанные о Божией Матери, Которая явилась величайшим благодатным Сосудом, подготовленным Божьей милостью для пришествия в мир Христа Спасителя.

Так Господь «возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Преславное Благовещение, которое возвестило всему миру радость спасения, сегодня принесло в мир и иную величайшую радость — Рождество Христово, начало благодатного Царства Божия на земле.

Христос родился в убогой пещере, указав нам этим на кротость и смирение, на любовь

к человеку. Сын Божий мог прийти в мир и поселиться в самом удобном жилище: светлом, роскошном и просторном. Но Спаситель избрал другое: родился в бедности, чтобы показать нам всем пример терпения и довольства малым.

В жизни всегда больше несчастных, чем счастливых, больше бедных, чем богатых. Но как трудно переносить бедность! Как несчастному трудно принимать свое положение при виде счастливо живущих!

И все же, примите в сердце свое такую мысль: твою бедность, твоё несчастье разделяет с тобой Спаситель твой. Если тебе трудно переносить все это, посмотри на Спасителя, лежащего в яслях. Ты беден — Он беднее тебя, и Он обнищал, будучи богатым — Обладателем всего. Он Бог — и в нищете. Он мог бы иметь все, но предпочел не иметь ничего.

Почему в таком убожестве родился Христос? Он пришел не для того, чтобы Ему послужили, а чтобы послужить нам — грешным и недостойным. Он пришел не блаженствовать здесь, на земле,

СѢ БО БЛАГОВѢСТВУЮ ВѢМЪ РАДОСТЬ ВѢЛЮ, ЯЖЕ БѢДѢТЪ ВСѢМЪ ЛЮДЕМЪ:
ЯКѠ РОДИСѦ ВѢМЪ ДНЕСЬ СПѢХЪ, ЯЖЕ ЁСТЬ ХРІТОСЪ ГДЬ, БО ГРАДѢ ДѢДОВѢ

Евангелие от Луки, 2: 10 — 11

РЖѢТВО ТВОЕ, ХРІТЕ БЖЕ НАШЪ, ВОЗСІА МІРОВИ СВѢТЪ РАДОМА: ВЪ
НЕМЪ БО СВѢЗДАМЪ СЛѢДЯЩІИ, СВѢЗДОЮ ОУЧАХСѦ, ТЕБѢ КЛѢНАТИСѦ
СЛНЦѢ ПРАВДЫ, И ТЕБѢ ВѢДѢТИ СЪ ВЫСОТЫ ВОСТОКА: ГДЬ, СЛАВА ТЕБѢ

Тропарь праздника

ДѢА ДНЕСЬ ПРЕДЩЕСТВЕННАГО РАЖДАЕТЪ, И ЗЕМЛѦ ВЕРТИПЪ НЕПРИСТѢННОМЪ
ПРИНОСИТЪ. ЯГГЛН СЪ ПѢСТЫРЬМИ СЛАВОСЛОВАТЪ, КОСКВІ ЖЕ СО СВѢЗДОЮ
ПѢТИШЕСТВУЮТЪ: НАСЪ БО РАДН РОДИСѦ ОТРОЧѦ МЛАДО ПРЕВѢЧНЫЙ БГЪ

Кондак праздника

а страдать за нас. Всю жизнь, до самой смерти, терпеть за нас всевозможные лишения, поношения, скорби. Он пришел страданиями и смертью искупить и спасти нас. И вот этими-то страданиями и начинается Его жизнь на земле. Только Он рождается — и уже страдает: страдает от бедности, от убожества, от того, что негде было и положить Его.

Вспомним, почему человек лишился блаженства? Из-за чего Адам был изгнан из рая? Он пал за гордость — возжелал быть равным Богу. И вот возвращение этого блаженства должно совершиться через самое глубокое смирение, путем самоуничтожения. Гордость, желание большего лишили человека любви Божией, а смирение, терпение трудностей помогут возвратить эту любовь, возвратить потерянный рай.

Иисус Христос приходит в мир ночью, при сиянии звезд. И в эту величайшую ночь, когда уснула всякая злоба, когда молитвы праведников, как горящая свеча, возносятся к Небу, мы с вами являемся свидетелями того, как ангелы благовествуют пастырям о величайшем чуде. Почему же пастырям только? Потому что они, по учению святых отцов, явились кроткими и смиренными, чистыми сердцем. Здесь Господь и Спаситель наш показывает, что Он принимает всех

и каждого — то ли это человек простой, не искушенный науками, но с чистой совестью и жизнью, устремленной к Богу, то ли человек искушенный многими познаниями, но не полагающийся на свою мудрость, а ищущий света горнего, света Божественного.

Господь смотрит на кроткого и смиренного сердцем — того человека, который совершает свой ежедневный, ежеминутный подвиг, молясь Богу и трудясь на этой многострадальной земле. Вот этим людям Господь возвещает об этом величайшем чуде, потому что они достойны принести эту весть и другим.

Ангелы воспели: «Слава в вышних Богу!» — они воздали хвалу Тому, Кто сотворил и их, Кто по величайшей любви сотворил Небесные Силы, чтобы дать и им радость общения. «И на земли мир!» — то есть пришел тот долгожданный мир, о котором мечтал еще Адам, когда был изгнан из рая. «Седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше...». Рыдая о чем? Не о том, что он лишился рая! А о том, что лишился лицезрения Бога.

То, что ему в раю было хорошо — это одно. Но самое страшное — остаться без общения с Господом. «В человецех благоволение!» — с Рождеством Христовым человек возвращается в обитель Отца Небесного.

То, что потерял ветхий Адам через свой грех, сегодня обновляется через нового Адама. То вечное дыхание жизни, которое Господь когда-то вдунул в лицо Адама, сегодня вновь делает нас причастными вечности, сынами Царства Небесного, наследниками Царствия Божьего.

С Рождеством Христовым обновляется все, потому что этот величайший праздник дает человеку возможность переосмыслить свою жизнь, вновь и вновь обращая душу свою ко Господу.

«Звездам служащим звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу Правды» — так волхвы, мудрейшие мужи того времени, и сегодня учат нас, не мудрствуя лукаво, с глубоким благоговением умом и сердцем преклоняться перед воплотившимся Сыном Божиим — Спасителем нашим.

Что принесли в дар Господу эти восточные цари? Золото, ладан и смирну — лучшее из всего, что было на Востоке, чем славилось отечество волхвов. Золото — как царю и главе рода человеческого, ладан — как первосвященнику и учителю, смирну — как человеку и ходатаю, имеющему смертию Своею разрушить державу смерти.

Что для нас значат эти дары? Что от себя мы принесем в дар Господу? Они принесли золото — самый дорогой металл. Но псалмопевец Давид говорит, что слово Божие дороже и вожденнее

дорогого золота. Значит, если мы изучим слово Божие и примем его в сердце свое как едино возможное, то принесем дар, который для Господа дороже золота. Этот дар — Его истина.

Волхвы принесли ладан, который, в воскресении поднимаясь к Небесам, служит благодарственным даром, приятным Богу. Если же мы снова и снова в молениях душ наших будем благодарить нашего Спасителя за все, что Он посылает нам ради нашего спасения, не будет ли приятнее это Богу, чем ладан?

Волхвы принесли смирну. Слово смирна значит — горечь, скорбь. Наше сокрушение о грехах своих, наше исповедание перед Ним в сердечной скорби грехов наших, за которые Он умер — вот наша смирна. Если мы будем растить в себе дивные дары Спасителю нашему — то верен наш путь в Обитель Царствия Небесного.

Возрадуемся этому великому дню. Вместо ясел давайте принесем родившемуся Христу свое сердце, чтобы Господь мог возлечь в нем. Откроем Ему двери своей души и впустим Его в свой дом. Будем всечасно взирать на эту звезду — Церковь Христову, которая возвестила нам великую радость, и будем следовать за нею. Нет большей радости, чем следовать за Христом и Ему Одному служить. Аминь ■

Пою Богу моему...

ИНТЕРВЬЮ С АРХИДИАКОНОМ СИМОНОМ

Исключительный напев, который несколько раз оказывался на грани исчезновения, который, можно сказать, чудом сохранился и который продолжает жить, и своей возвышенной, едва ли не небесной, таинственностью согревать сердца и наполнять души не только насельников или прихожан Киево-Печерской Лавры, но и всех небезразличных к нему. В свое время им восхищался великий Чайковский: «Там поют на свой древний лад, с соблюдением тысячелетних традиций, без нот, и, следовательно, без претензии на концертность, но зато, что за самобытное, оригинальное и иногда величественно-прекрасное богослужбное пение!». Только приблизиться к нему и оно само захватит тебя, всегда найдет струну, настроенную созвучно какой-то твоей струне и непременно наградит одним из тех чувств, которые редко достаются в удел жителям земли.

Отец Симон, расскажите кратко о Вашем знакомстве с церковной музыкой.

— Я вырос в семье, где все, так или иначе, были связаны с пением. Родители, бабушки, дедушки... Кто пел в церковном хоре, кто в народных хоровых коллективах. Оба дедушки играли на инструментах: цимбалах, скрипке. Так что музыка окружала меня с самого детства, в том числе и церковная. И ее я не только слышал, но и пытался петь. Первый серьезный мой опыт — это детский хор при Никольском соборе в Черновцах. Мне было тогда лет шесть или семь. Привели меня туда родители. И мне это очень понравилось, потому что там было очень много детей: примерно около пятидесяти. И первое, что мы там выучили — это «Воскресение Христово видевшие», «Богородице Дево радуйся». Затем мы научились петь акафист на распев. И постепенно нас начали привлекать к богослужениям: частично со старшими, частично самих. Всеми нами руководила Алла Васильевна Горюк, тогда еще совсем молодая девушка, которая практически каждый день занималась с нами и очень серьезно относилась к своему делу. Сейчас она уже монахиня Иоанна — насельница Введенского женского монастыря. А рассвет моего сознания музыки и музыкального понятия пришелся ближе к десяти годам, чему во многом поспособствовало мое обучение в музыкальной школе.

— А во взрослом хоре когда Вы оказались?

— Как раз в 90-м году, когда вернули Свято-Духовский собор, нас всех перевели туда. И там я уже начал петь на левом клиросе со взрослыми. Мне тогда было 11–12 лет. И я был там единственным ребенком. А уже в четырнадцать лет, когда у меня произошла мутация голоса с тенора на бас, отец Василий Запотичный пригласил меня в архиерейский хор — главный хор нашего кафедрального собора. Помню, тогда как раз шла подготовка

к Рождеству. Мы разучивали песнопения Бортнянского и канон Веделя.

— А где же Вы учились дирижировать?

— Сначала в семье. Да, у нас был такой семейный певческий коллектив — все восемь человек: отец, мама, сестры, братья. Мы участвовали в разных певческих конкурсах, нас приглашали на новогодние и рождественские утренники и, само собой, на храмовые праздники. Помимо этого, я какой-то период был главным регентом нашего молодежного хора. Это была такая «сборная» из инициативных ребят. Кто-то был с клироса, кто-то с детского хора, кто-то с архиерейского. Всего около 20 человек. Нас постоянно приглашали на разные мероприятия. Особенно в летний период. И нам всем это было интересно. Куда-то поехать, что-то новое выучить, спеть красиво что-то такое, что люди не слышали. В основном это были выезды на какой-то приход. Иногда мы проводили свадьбы.

— Свадьбы?

— Да, на Буковине есть такая традиция православных свадеб без алкоголя, без инструментальной музыки, без танцев — только хоровая музыка. Особенно раньше это было очень популярно. Пелись псалмы, духовные канты, разные народные песни и, само собой, церковные. Песни чередовались с проповедями священников. И так аж до позднего вечера. Такие свадьбы до сих пор есть. Но их уже очень мало.

— Как необычно! И все же, можете ли вспомнить тот момент, когда Вам впервые пришлось соприкоснуться с мелодией лаврского напева?

— Да, в архиерейском хоре, отец Василий регулярно включал в репертуар какие-то лаврские произведения. В частности, было очень популярным «Блажен муж». Это казалось нам очень сложным тогда. Вообще, все классические произведения как-то понятны по гармонии и логике. А песнопения Киево-Печерской Лавры, сами по себе, очень специфические и просто так в голову не укладываются. Их надо было долго изучать, чтобы понять, ощутить и правильно спеть.

— Можете объяснить, в чем разница, почему так?

— Потому что это — другой стиль, другая стилистическая окраска, другой, вообще, порядок движения аккордов, другой смысл музыки. Ведь

музыка имеет свою картинку. Не зря говорят, что у произведений есть какой-то свой гармонический, динамический рисунок. Но в лаврской мелодии всего этого нет. В лаврском напеве как будто все по наитию. Это могла просто на ходу появиться какая-то нота, в которую очень трудно попасть. Для меня это вообще была какая-то фантастика, если честно. Я вообще не мог понять как спеть эти ноты, которые перед тобой стоят. Но все это было интересно. И даже, чем сложнее, тем интереснее мне было.

— А было ли что-то сложнее лаврского пения?

— Ну, были сложные концерты Чеснокова или Бортнянского. Они были, по-своему, сложными, потому что у них другое ощущение музыки. Их музыка как будто театральная, а не церковная. В ней очень много случайных знаков, диэзов, бемолей, — что называется «черными клавишами». Она была просто неудобна. Но, лаврская музыка по-своему сложна.

— Что Вы думали о самой Лавре, какой она Вам тогда представлялась?

— Для нас это было что-то далекое, возвышенное, и даже небесное. Место, где люди со своей сверхкультурой какой-то, непонятной никому и со своим особым напевом. И потому сами песнопения для нас тоже казались непростыми. И когда нам попадалось исполнить что-то лаврское, к примеру «Взбранной воеводе», кстати, одно из самых популярных на Буковине, или «Блажен муж», то было ощущение, что, вот, наконец-то мы прикоснулись к чему-то настоящему. И для меня Лавра была всегда недостижимой. Я не верил, что смогу попасть сюда.

— И что же было, когда Вы здесь оказались?

— Первое мое впечатление — я не думал, что меня вообще возьмут на клирос. Мне казалось, что для меня это закрытая тема, что это только для избранных. Помню, я пришел в Трапезный храм, братия пела на вечерне, все в черных мантиях. Я слушал и удивлялся, как они это поют, как это так? И конечно, все звучало по-другому, чем у нас. Мы в Черновцах пытались соблюсти все правила музыки. А тут какие-то свои все-таки правила.

— Скорее, вообще никаких правил (улыбается).

— Можно и так сказать. Но, тут полностью отличался как сам подход к пению, так и само пение.

С одной стороны, когда ты привыкаешь к этому, то понимаешь, что так легче. Но, раньше это казалось чем-то невероятным. Нам ведь еще рассказывали, что некоторые, очень сложные песнопения, братия поют наизусть. Поэтому мне казалось, что там одни специалисты. Да, конечно, я слышал, что иногда пели не совсем чисто, где-то заезжали. Всякое бывало. Но в общем, для меня это было чем-то грандиозным.

— Ну, а теперь, что Вы скажете?

— Мне и сейчас знакомые регента говорят, что это очень сложные песнопения. А мой личный взгляд — эти песнопения действительно необычные. Я до сих пор их изучаю и они для меня во многом еще загадка. Местами я критикую какие-то моменты. Мы даже спорим на клиросе с некоторыми из братии, обговариваем разные аккорды. До сих пор нам интересно почему так, почему эдак.

— А какое произведение лаврского обихода больше всего нравилось тогда и какое сейчас?

— Тогда... если честно, я очень любил именно «Взбранной воеводе». В семье мы всегда пели его как концертное, не спеша. Затем я увлекся акафистными мелодиями: это светилен «Апостоли от конец» и, конечно же, — «В молитвах неусыпающую Богородицу». А сейчас моим любимым я бы назвал, наверное, антифоны на утрени. Плюс «На реках Вавилонских», если его исполнять очень тонко, аккуратно. Еще меня удивляют моменты Херувимской, которая считается «малой» или «пещерной», как ее еще называют. В первую очередь, она поражает меня своей стилистикой и ее реально было вначале не очень легко выучить, сложно было поймать ее темп и характер.

— Вы говорили о спорах, не кажется ли Вам, что на весь лаврский обиход руки мастера словно не хватило. Взять те же антифоны 4-го гласа. Там совершенно невероятное начало «От юности моя», а после третьей части идет посредственность, туманность, серость какая-то, в сравнении с превосходнейшим началом.

— Да, продолжение «От юности моя» как будто из другой оперы. Там несколько другой стиль. Но и в других антифонах, если поискать, можно найти свои прекрасные моменты, например, в пятом гласе. Но, соглашусь, такого мало. Да и вообще, лаврский обиход в целом очень разный. В нем

есть места просто-таки божественные, к которым нечего ни прибавить и ни убавить. А есть не совсем удачные, взять те же ирмосы. Не все, но в большинстве с ними явно что-то не так, как будто про них забыли. Хотя если брать в целом, то все эти, не совсем удачные, моменты меркнут на фоне одного, условно говоря, лаврского «Славословия» или «Честнейшей». И когда возвращаешься после богослужения домой, в голове остаются отголоски именно этих чудесных мелодий.

— На Ваш взгляд, как так получилось, почему не все так безупречно?

— Видимо, не всё успели довести до совершенства. Ведь вся та красота и исключительность лаврского напева, за которую мы его так ценим, появились лишь в XIX веке. Православная музыка тогда, как известно, продолжала испытывать итальянское влияние. Через таких композиторов как Бортнянский, например, происходило вливание новой музыки и нового стиля. Именно в тот период над основной лаврской мелодией, которая своими корнями уходит в древнее знаменное пение, стали появляться надстройки с прекрасным глубоким басом. Вообще, динамичная басовая партия, это особая изюминка лаврского напева. Такой мелодичный бас редко встречается в церковной музыке. Я не берусь утверждать, кто конкретно стоит за этими художественными украшениями. Известны многие гармонизаторы лаврских напевов. Это и архимандрит Флавиан (Приходько), и Малашкин, и Фатеев, и Беневский, и многие другие. Но они, скорее лишь правляли мелодикой, а вот чтобы создать те самые знаменитые наши шедевры, нужен был совсем другой масштаб гениальности, сравнимый разве что с Веделем. Так что, осмелюсь предположить, что за всем тем лучшим, что у нас есть, стоит не коллективное начало или народность, как принято было считать раньше, а какая-то выдающаяся личность. Иначе бы весь лаврский обиход был бы безупречным, как, к примеру, вся музыка Баха.

— А есть ли вещи, которые бы Вам хотелось изменить или поправить в лаврском обиходе? И нужно ли вообще браться за такое исправление?

— Если поправить гармонию — это дело техническое, оно, по большому счету, картины не меняет. Но, если претендовать на что-то настоящее, чтобы все ирмосы звучали как наши задостойники — вот тут уже без выдающихся талантов не обойтись.

А они, как известно, строем не ходят. Их не заставишь явиться здесь и сейчас. Так что нам, если совершенствовать, то лишь технику исполнения.

— Насчет исполнения, ведь есть любители громогласного пения, а есть наоборот, спокойного, проникновенного. На кого стоит больше ориентироваться?

— Всему должно быть свое место. Для благоговейно-молитвенного, спокойного предстояния существует вечерня, повечерие, часть утрени. В конце концов, в келии можно помолиться с плачем в тишине, в исихии. Как и Христос говорит: «войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему». (Мф. 6:6). Но полиелей утрени и, тем более, сама Литургия — это же праздник, когда больше надо ликовать, радоваться. Ведь это же сближение с реальностью Царствия Божия, это уже «Новая жизнь». И конечно здесь, более чем уместно мощное и, я бы даже сказал, несколько драматическое исполнение.

— А как быть с любителями затягивать пение до бесконечности или наоборот, с теми, кто чрезмерно торопится, будто боится опоздать куда-то?

— С одной стороны, есть такое представление, скорее монашеское, что всё должно быть неспешно, как бы растянуто, покаянно. Взять те же записи лаврского пения начала прошлого века. Они очень тягучие. Да и само богослужение тогда затягивалось. Всенощная могла длиться шесть часов и даже более. Но, надо понимать, что и общий темп жизни тогда был другой: тихий, растянутый такой, никак не похожий на сегодняшнее, вечно куда-то стремящееся, время. И музыкальная грамотность исполнителей... Откуда, в то время, было взяться такому количеству знакомых с нотной грамотой монахов, если даже просто читать далеко не все умели? Кроме того, когда поет большой хор, он все равно более неуклюжий, чем малый. Сорок человек — это такая махина, которую не так просто сдвинуть. Ну и главное — это видение самого регента. Регент задает темп, стиль. Если регент сам туговатый, то и хор поет туговато. Регент спешит и хор спешит. Поэтому тут надо, конечно, найти золотую середину. В общем, можно сказать, что сейчас лучше ориентироваться на какое-то более спокойное пение, потому что из-за большой скорости у нас очень многие не выговаривают слов, из-за чего песнопение получается «в кашу», что в профессиональном хоре непозволительно.

— А не получится ли, что из-за слов мы потеряем мелодию, которая, может быть, даже в большей степени подчеркивает дух богослужения, нежели слова. Вообще, на Ваш взгляд, что должно быть в приоритете: слова или мелодия?

— Сложно сказать. Ведь есть молитва умом, то, что апостол Павел называет «петь умом», то есть петь так, чтобы каждый мог разобрать, о чем поется. А есть молитва духом: «петь духом» (1 Кор 14:15), то есть обращение не к уму, а больше к сердцу. Отголоски этой молитвы духом как раз и сохраняет в себе мелодия. Это такой порыв сердца к Богу, когда хочется больше петь, чем произносить слова под пение. Во всяком случае, надо оттачивать мастерство, надо заниматься. Лаврское пение — оно шустрое, оно динамичное. Конечно, в нем есть какие-то отдельные моменты, но, в общем, это более бодрое пение. И эта бодрость в нем подчеркивается еще и тем, что здесь очень много мажора. И даже минор, если его правильно исполнять, он тоже звучит очень бодро, красиво и почти как мажор. Но слишком загонять не стоит. Надо как-то более с «оттяжкой», более аккуратно, при этом сохраняя бодрость. Над этим нужно работать.

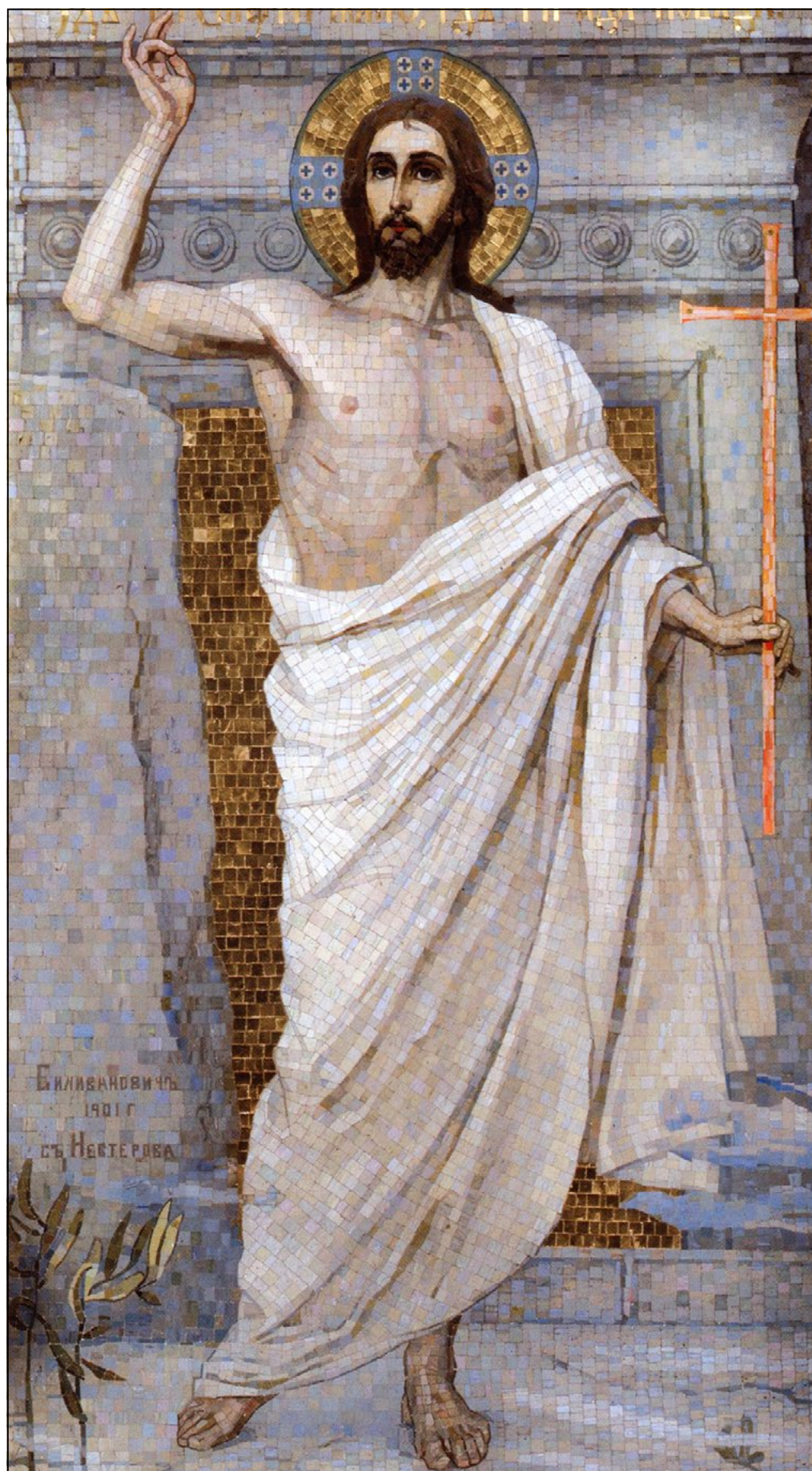
— Нет ли у Вас ощущения, что лаврское пение несколько недооценено. Что о нем еще мало знают, что в мире музыки Киево-Печерский напев себя еще не показал, еще находится в полудреме или в полутени?

— Да. Есть такое ощущение. Во-первых, для многих до сих пор недоступны партитуры, особенно Великого поста. Эти книжки мало кто видел и мало о них знают. Или набор наших «подобных», местами совершенно-таки потрясающих, также практически не найти. Хотя в наше технологическое время с этим, казалось, не должно быть никаких проблем. Я уж не говорю о видеозаписях. Хотя бы в аудио формате, чтобы многие могли послушать, как звучит лаврский напев и понять, как с ним нужно работать. Ведь он вполне достоин того, чтобы пополнить копилку музыки мирового масштаба. Но это, скорее, мечты вслух.

— Искренне Вам благодарны. И напоследок хотелось бы еще спросить, что Вас больше всего в жизни радует? Без чего Вам трудно было бы жить?

— Я бы сказал, что это мое монашество. Да, это то, что я монах. Сама жизнь в монастыре. Это стало родным, тем что греет и душу, и сердце. И этому я необычайно рад ■

Иисус Христос. Мозаика. Храм Спаса-на-Крови. М.В.Нестеров. 1901

Иисус Христос. Начало Евангелия

Журнал «Печерский Благовестник» продолжает публиковать фрагменты книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос», где автор, очень обстоятельно изучив исторический контекст жизни Иисуса Христа, излагает подробную биографию Спасителя с обзором основных пунктов Его учения

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Внимательное всматривание в человеческие черты Иисуса представляется важным не только с исторической, но и с богословской точки зрения. Исходной позицией для нас является убежденность в том, что Иисус есть Бог воплотившийся и что все Его человеческие черты органично связаны с Его божественной природой. Но это не делает человеческую личность Христа менее полноценной.

Трудно — если не невозможно — нарисовать «психологический портрет» Иисуса, составить себе представление о чертах Его характера, об особенностях Его человеческой личности на основании разрозненных упоминаний в Евангелиях о Его эмоциональных переживаниях или о Его реакциях на поведение окружающих. И тем не менее многие авторы — как древние, так и современные — делали попытки нарисовать такой портрет, дать характеристику Иисусу как личности.

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Был ли Иисус эмоционален? Что говорят нам Евангелия о Его человеческом характере, реакциях на поведение окружающих людей? В Евангелиях все упоминания о настроениях или эмоциях Иисуса связаны либо с рассказами о чудесах, либо с повествованием о Страстях.

К числу выражений, указывающих на эмоциональную реакцию Иисуса на происходившие события, можно отнести следующие: «удивился» (Мф. 8:10; 7:9), «сжалился» (Мф. 9:36; 14:14; Мр. 6:34; Лк. 7:13), «умилосердился» (Мф. 20:34; Мр. 1:41); «посмотрел строго» (Мр. 1:43); «воззрел с гневом» (Мр. 3:5), «вздыхнул» (Мр. 7:34), «глубоко вздохнул» (Лк. 8:12), «возрадовался духом» (Лк. 10:21), «восскорбел духом и возмутился» (Ин. 11:33), «прослезился» (Ин. 11:35), «возмутился духом» (Ин. 13:21). Глаголы «полюбил» (Мр. 10:21) и «любил» (Ин. 11:5), когда выражают отношение Иисуса к конкретным людям, тоже имеют эмоциональную окраску.

Краткие упоминания Евангелистов об эмоциональных состояниях Иисуса свидетельствуют о том, что Он был живым человеком, которому была доступна вся гамма человеческих переживаний — от скорби до радости, от гнева до жалости.

УДИВЛЕНИЕ

Иисус был способен удивляться. На это указывает рассказ Матфея и Луки об исцелении сотника. Слова последнего удивили Иисуса (Мф. 8:10; Лк. 7:9). Удивление является естественной реакцией человека на неожиданность. Будучи Богом, Иисус сохранял все человеческие способности; имея власть воскрешать мертвых и исцелять болезни, в том числе на расстоянии, Иисус при этом удивлялся простым словам человека, обратившегося к Нему с просьбой. Обладая способностью проникать в мысли человека (Мф. 9:4; 12:25; 16:7–8; Мр. 2:8; Лк. 5:22; 6:8; 9:47; 11:17; Ин. 21:38), Иисус, тем не менее, не предугадывал все, что человек может Ему сказать.

Но удивление может быть связано не только с положительными впечатлениями: бывает удивление, связанное с разочарованием. Рассказывая о посещении Иисусом Его родного города и общении с жителями, Евангелист отмечает, что Он «дивился неверию их» — дивился настолько, что «не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их» (Мр. 6:5–6).

Иисус
и греш-
ница.
Живопись,
Генрих
Семи-
рагский,
1873 г.

ЖАЛОСТЬ И СОСТРАДАНИЕ

Иисусу было присуще чувство жалости и сострадания. Матфей упоминает о том, как, «видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря» (Мф. 9:36). В другом случае Иисус исцеляет больных, увидев множество людей и сжалившись над ними (Мф. 14:14). Умилосердившись над двумя слепыми, Иисус исцеляет их (Мф. 20:34). Прокаженного Иисус исцеляет, умилосердившись над ним (Мр. 1:41). Чудо насыщения четырех тысяч человек четырьмя хлебами и семью рыбами предваряется словами Иисуса, обращенными к ученикам: «Жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге» (Мф. 15:32).

Радость

Иисус был способен радоваться. В Евангелии от Луки повествуется о том, как семьдесят учеников вернулись с задания, на которое Он посылал их. Существительное «радость» и глагол «радоваться» многократно использованы в этом тексте: «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей

и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах. В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Лк. 10:17–21).

В этой сцене радость Иисуса становится ответной на радость возвратившихся учеников. Мы видим, как остро Иисус ощущает Свое единство с учениками, как близко к сердцу принимает их радости и скорби. При этом в Его беседе с учениками присутствует Отец, к Которому Он обращается так, как будто для прочих участников беседы Его присутствие было столь же очевидно. Подобную ситуацию мы увидим в последней беседе Иисуса с учениками на Тайной вечере. Там тоже будет много сказано о радости (Ин. 16:19–23), и Иисус тоже прервет разговор с учениками, чтобы вознести молитву Отцу (Ин. 17:1).

Чувство юмора

Шутки и анекдоты в Евангелиях отсутствуют: этим Евангелия отличаются от многих других литературных произведений древнего мира. Что же касается способности замечать комичные стороны в окружающей действительности, то этой способностью Иисус, безусловно, обладал. Вот характерный пример: «Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее» (Мф. 11:16–19).

Здесь очень многое пронизано тонким юмором: и образ детей, играющих на улице, и то, как Иисус емко и иронично суммирует обвинения своих оппонентов, и пословица, которой завершается вся тирада. Мы не знаем, каким тоном она произносилась — обличительным или снисходительным, какое было выражение лица у Иисуса, когда Он говорил эти слова. Но отказать Иисусу в чувстве юмора — в данном случае даже с оттенком сатиры — никак нельзя.

Не лишены юмора обличения Иисуса в адрес фарисеев. Правда, здесь скорее надо говорить о горькой иронии. Иисус иронизирует над фарисеями, когда описывает, как они останавливаются на углах улиц и молятся, чтобы их заметили другие (Мф. 6:5); как они «принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постыющимися» (Мф. 6:16); как они «все дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!» (Мф. 23:5–7).

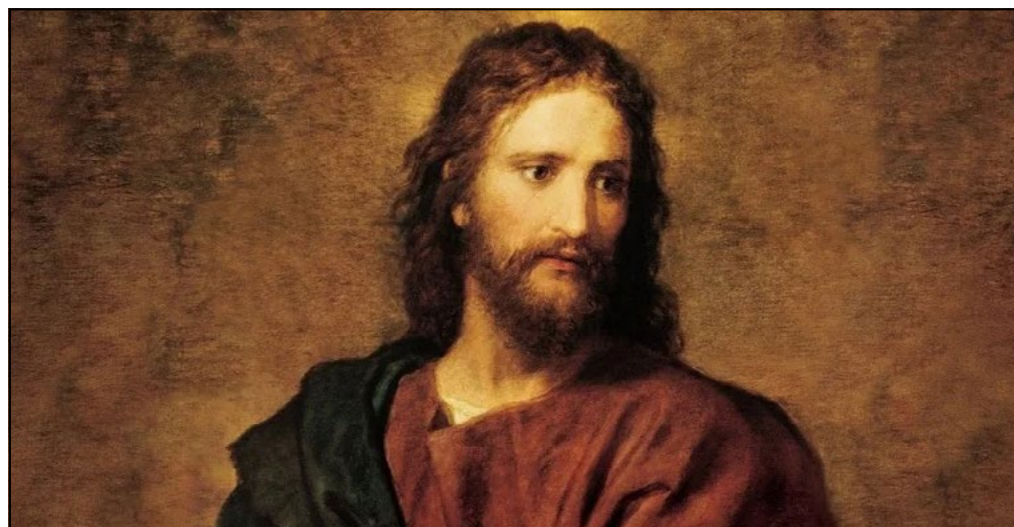
Гнев

Гнев Иисуса вызывали постоянные упреки иудеев в том, что Он нарушает субботу. В одном из эпизодов, когда Иисус посещает синагогу, где среди присутствующих был человек с парализованной рукой, за Ним специально наблюдают, не исцелит ли Он в субботу. Зная, что Его хотят обвинить, Он спрашивает: «Должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить?» Никто не отвечает. Тогда, «возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою». Он протягивает руку — и она исцеляется (Мр. 3:1–5). Здесь гнев Иисуса выразился в Его взгляде.

Во всех синоптических Евангелиях мы находим рассказ об изгнании Иисусом торгующих из храма (Мр. 11:15 — 17; Мф. 21:12 — 13; Лк. 19:45 — 46). Повествуя об аналогичном случае, Иоанн отмечает: «При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по дому Твоем снедает Меня» (Ин. 2:17). Здесь по отношению к Иисусу употреблено слово, заимствованное из Псалтири (Пс. 68:10). В данном случае термин «ревность» имеет религиозный смысл, но по своей эмоциональной насыщенности приближается к понятию «гнева». Сама сцена описана так, что трудно себе представить Иисуса действующим спокойно и хладнокровно: скорее речь может идти о порыве гнева, мотивированном глубоким духовным переживанием.

Кротость и смирение

Способность проявлять гнев и ревность сочетается в Иисусе с кротостью и смирением (Мф. 11:28 — 30). Отдельные вспышки гнева не нарушали тот глубокий внутренний покой, которым Иисус обладал всегда — в силу Своего природного единства с Богом. С наибольшей силой Его кротость и смирение проявились в том, как Он вел Себя в последние дни и часы Своей жизни: на суде у первосвященников и Пилата, на Голгофе.

Иисус Христос.
Живопись,
Генрих Гофман,
1889 г.

Слезы, смущение, скорбь, тоска

Дважды Евангелия говорят о слезах Иисуса. Лука повествует о том, как незадолго до Своей смерти Иисус заплакал, предсказывая разрушение Иерусалима (Лк. 19:41 — 44). Второе свидетельство о слезах описывает Иоанн, в истории воскрешения Лазаря (Ин. 11:32 — 38). Это, безусловно, одна из наиболее эмоционально насыщенных сцен всего корпуса Евангелий. По разнообразию отраженных в ней переживаний она сопоставима только с повествованиями синоптиков о молитве Иисуса в Гефсиманском саду и о Его распятии. Мы видим, как Иисус реагирует на плач других людей: Он «восскорбел духом и возмутился». Видим, какие чувства Он испытывает, когда Ему предлагают пойти и посмотреть гроб, где лежит Лазарь: Он «прослезился» и даже окружающие удивились силе Его любви к умершему. Подходя к гробу, Он «опять скорбит внутренно», что, несомненно, выражается в Его лице, глазах. Евангелисты обычно весьма скупы в передаче эмоций — как Иисуса, так и других персонажей. Однако в данном случае, Иоанн, вероятный свидетель этой сцены, описал ее подробно и ярко, обратив особое внимание на те переживания, которые были свойственны Иисусу как человеку.

Глагол «возмутиться» указывает на очень сильную степень эмоционального переживания. Беседа с иудеями за шесть дней до Своей последней Пасхи и предсказывая Свою смерть, Иисус неожиданно прерывает беседу словами: «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел. Отче! прославь имя Твое». В этот момент раздается голос с неба: «И прославил и еще прославлю» (Ин. 12:27 — 28). Иисус не скрывает ни от учеников, ни от народа, Своего страха перед смертью и Своего внутреннего смущения. Однако Он преодолевает его, обращаясь в молитве к Отцу.

В другом случае словосочетание «возмутиться духом» возникает в тексте Евангелиста, когда Он приводит предсказание Иисуса о предательстве Иуды: «Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Ин. 13:21).

Таким образом, трижды на протяжении сравнительно небольшого отрезка четвертого Евангелия, в трех главах подряд — 11-й, 12-й и 13-й — возникает один и тот же глагол, указывающий на эмоциональное состояние Иисуса в последние дни перед арестом.

У всех трех Евангелистов-синоптиков описана молитва в Гефсиманском саду. Согласно их повествованиям, Иисус перед Своим арестом пришел в Гефсиманию и оставил там учеников, сказав им: «Посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там». После этого, взяв с Собой Петра, Иоанна и Иакова, Он начал «скорбеть и тосковать». Трем оставшимся с Ним ученикам Он говорит: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною». Отойдя от них на небольшое расстояние (по Луке, на расстояние брошенного камня), Иисус молится Отцу о том, чтобы, если возможно, чаша страданий миновала Его (Мф. 26:36 — 42; Мр. 14:32 — 39; Лк. 22:39 — 42). В то время, когда Он молился, «был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22:44).

Это повествование было одним из тех евангельских текстов, которые Церковь противопоставила мнению докетов — еретиков, утверждавших, что страдания Иисуса были мнимыми, потому что, будучи бесстрастным Богом, Он не мог быть подвержен страданиям. Представление об иллюзорном характере страданий Христа появилось предположительно уже в первом поколении христиан: реализм, с которым Иоанн в своем Евангелии описывает человеческие переживания Иисуса, связывают с полемикой против этого представления.

Основной смысл и пафос борьбы ранней Церкви против докетизма заключался в защите реальности и подлинности человеческой природы Иисуса Христа. Он был полноценным Богом, но при этом оставался полноценным человеком, способным к человеческим переживаниям.

Как подчеркивает апостол Павел, Иисус был во всем подобен людям, «кроме греха» (Евр. 4:15). В людях эмоциональная составляющая нередко бывает сопряжена с грехом или злом. Например, гнев может происходить от раздражительности, злобы, неприязни к тому или иному человеку. Смех может быть греховным, если вызван высокомерным или насмешливым отношением к другому. Слезы могут происходить от обиды, негодования, ненависти.

В Иисусе ни одно из этих качеств не имело греховной окраски, но отсутствие греха не делало Его человеческое естество в чем-либо ущербным. Грех — то, что привнесено в жизнь человека по действию дьявола (Быт. 3:1 — 7). В Иисусе Христе человеческая природа освобождается от рабства греху (Ин. 8:34 — 36), оставаясь при этом полноценной человеческой природой со всеми характерными для нее свойствами ■

ДУХОВНОЕ ОТЦОВСТВО

Журнал «Печерский Благовестник» публикует журнальный вариант книги схиархимандрита Гавриила (Бунге) «Духовное отцовство», где раскрывается тема духовного наставничества на основании творений Евагрия Понтийского

«И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах», — говорится в Евангелии. Если же христианская традиция уже в первые века присваивала определенным людям — епископам, священникам и монахам — имена «отцов», то это значит, что духовное отцовство этих людей служило тем средством, через которое опытно познавалось небесное, Божие отцовство. Познание первого вело к познанию второго. Более того, без первого практически невозможно приблизиться к познанию второго. Собственно человеку, которому не удалось пережить опыт истинного отцовства и истинного сыновства в духовной сфере, грозит опасность вообще не познать истинное, личностное отношение к Богу.

1. ЕВАГРИЙ КАК ДУХОВНОЕ ЧАДО СВЯТЫХ ОТЦОВ

Никто не может стать духовным отцом, если он сам прежде не был духовным сыном. Это относится даже к преподобному Антонию Великому — родоначальнику монашества и «начатку отшельников». Известно, что перед своим уходом в пустыню, он обращался за духовным советом к одному опытному подвижнику, который представлял аскетическую традицию ранней Церкви, предшествовавшую возникновению монашества как такового.

Впоследствии преподобный Антоний, которого даже последователи преподобного Пахомия Великого благоговейно называли «наш святой отец Антоний», сам рассматривал себя в качестве «отца» молодых монашеских общин, возникших

под его непосредственным влиянием, да и другие воспринимали его в этом качестве. Его духовное руководство монашескими общинами осуществлялось не только через устное наставление, но посредством письменных контактов, о чем свидетельствуют дошедшие до нас семь подлинных писем преподобного.

В учении Евагрия Понтийского о духовном отцовстве подробно изложен этот особенный тип духовности «начатка отшельников». Целью Евагрия, как он сам писал об этом, было как можно достовернее передать учение старцев, по крайней мере то из него, что может быть сообщено другим.

Что же касается самого Евагрия, то он был образованным греком, вполне владеющим философской и богословской культурой своего времени. В зрелом возрасте он поступил в школу великих духовных наставников египетского монашества и примерно с 383 года жил и писал в Нитрийской пустыне, а потом — в более отдаленных Келлиях. Среди его наставников были оба Макария. Причем Макария Египетского (Великого), который еще застал преподобного Антония и славился как «наследник благодатной силы и духовного совершенства блаженного Антония», Евагрий до конца жизни считал своим главным духовным учителем, почитая его наравне со святителем Григорием Богословом — своим прежним наставником в «высшем любомудрии».

Примечательно, что отцы-пустынники часто были простыми коптами и не имели греческого образования. Таким образом, налицо была связь между двумя мирами, лишь на первый взгляд

Духовное отцовство следует рассматривать не как своего рода бегство от явления Божией воли на путях человеческой жизни, а, напротив, как одно из тех средств, через которые человек на собственном опыте воспринимает само откровение Бога

противоположными друг другу, — коптским и греческо-римским. Эта гармоничная и, несомненно, плодотворная связь была характерной чертой египетского монашества тех времен (прежде всего в его отшельнической форме). Эта связь была даже традиционной. В качестве примеров можно упомянуть преподобного Антония Великого, человека «необразованного» в смысле греческой культуры, и его любимого ученика, преподобного Серапиона, впоследствии епископа Тмуитского, одного из учений людей своего времени. Или, уже в следующем поколении, — авву Памву, не умевшего даже читать, и его ученика Аммония Долгого, которого современники восхваляли за его широкие богословские и библейские познания.

Евагрий вскоре стал настоящим аввой — наставником, которого ценили и общения с которым искали многие. При этом он до конца своей жизни оставался послушным учеником старцев-пустынников. Так что даже на склоне своей жизни признавался, что святитель Григорий, по слову апостола, некогда «насадил» его, а ныне святые отцы «поливают» в пустыне своими наставлениями.

Из них Евагрий поименно называет преподобного Антония Великого, с житием и семью подлинными письмами которого он, очевидно, был хорошо знаком, преподобных Макария Египетского и Макария Александрийского, Дидима Слепца, преподобных Иоанна Ликопольского и Иоанна Колова, а также преподобного Феодора Освященного. Из «Лавсаика» можно включить в этот список преподобного Аммония Долгого, аскетическими добродетелями которого Евагрий восхищался, и известного своей кротостью диакона Альбина, а из «Достопамятных сказаний» — преподобного Арсения Великого.

2. ЕВАГРИЙ КАК АВВА

Живой образ деятельности Евагрия как духовного отца оставил нам его ученик, епископ Еленопольский Палладий:

Таково было его обыкновение: братья собирались у него по субботним и воскресным дням. Всю ночь они открывали ему свои помыслы. До восхода зари они внимали его словам, исполненным силы, и уходили, преисполненные радости, воздавая благодарение Богу, ибо воистину учение его было кротким.

Когда все уже были в сборе, он молил их: «Братья мои, если у кого из вас есть глубокая или недужная мысль, пусть он молчит, пока другие братья не уйдут, и тогда он свободно заставит свои вопросы наедине. Не будем говорить перед братьями, чтобы никто из меньших сих не погиб или чтобы боль сердца не поглотила кого».

О его исключительном гостеприимстве говорит тот факт, что каждый день он принимал в своей келье пять-шесть гостей.

Палладий свидетельствует также и о том, что Евагрий удостоился дара различения духов. Это подразумевало не только точное знание действия демонов и соответствующих им страстей, но и различение истины и лжи в вопросах веры. К тому же, ему был присущ дар чудотворения, к которому помимо «знамений» относится и искоренение ложного образа мыслей у своих чад.

3. ДУХОВНОЕ ОТЦОВСТВО: ОБЩИЕ КОНТУРЫ

Духовный отец — это прежде всего человек, который многие годы посвятил аскезе, то есть исполнению заповедей. Первостепенная добродетель такого человека — любовь. Согласно Евагрию, подлинная любовь всегда принимает конкретную форму, являя себя в качестве кротости.

Кроткими, по свидетельству Священного Писания, были Моисей, Давид и Сам Христос. Эти три великих образа дают основание утверждать, что кротость — это такая форма любви, которая понуждает ее обладателя не господствовать над другим человеком, а предоставить ему пространство для собственного бытия, пусть даже через самопожертвование.

Исполненная кротости любовь — не только «предел делания», но и «дверь в естественное ведение», а собственная цель такой любви — «ведение Бога». «Ведение» и «мудрость» — это дары Святого Духа, которые Евагрий поэтому всегда называет духовными: Бог ниспосылает их лишь тем, кого находит достойными их.

Уже тот факт, что речь идет о неисповедимом даре Святого Духа, достаточно ясно говорит о том, что духовный отец в представлении Евагрия действует отнюдь не от своего имени. Он всего лишь занимает определенное место в той, направляемой Богом, человеческой истории, которую мы называем историей спасения.

4. ХРИСТОС КАК ОТЕЦ И ДУХОВНОЕ ОТЦОВСТВО

Обычай называть Христа отцом, чуждый современному сознанию, был распространен в Древней Церкви. Упоминает о нем и Евагрий: «Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. Поскольку же вы — отцы, подражайте отцу Христу и питайте нас ячменным хлебом, уча исправлению нравов. Снисходите к нашей грубости, пока мы не избавимся от звероподобных нравов и не сподобимся духовного "хлеба", который сходит с небес и питает все надежные разумом существа в меру их состояния».

В другом месте Евагрий говорит, имея в виду духовных наставников: «Отцам подобает поучать

сынов добродетели и ведению Бога, Господу же — ниспосылать чадам премудрость».

Духовный отец сам не «рождает» в собственном смысле своих чад — это совершается действием той Божией благодати, носителем которой он является. Именно она «имеет власть рождать многих через добродетель и ведение Бога».

Таким образом, в служении духовного отца проявляется среди людей небесное отцовство Христа. Ведь именно к духовному отцу в первую очередь относятся слова апостола Павла: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». В свою очередь, духовный сын переживает это отцовство Христа на опыте, подчиняясь указаниям своего духовного отца в послушании.

5. КРОТОСТЬ

Кротость есть в высшей степени царственная добродетель. Священное Писание называет кроткими только Христа и Его ветхозаветные прообразы — пророков Моисея и Давида. Кротость — добродетель праведника, который готов вступить за другого, забыв о самом себе, даже если этот другой тяжко согрешил, подобно отпавшему от Бога народу израильскому во время его странствия по пустыне. Одни из самых лучших страниц в письмах Евагрия посвящены этому подвигу пророка Моисея, фигура которого служит ему в качестве излюбленного примера при изображении идеала кротости.

Скажи мне, почему Писание, желая восхвалить Моисея, не принимает во внимание все [совершенные им] чудеса, упоминая лишь о его кротости? Ведь оно не говорит [при этом], что Моисей подверг египтян наказанию двенадцатью казнями и что он вывел из Египта избранный народ... Но оно говорит, что он находился

Духовное отцовство исполняет свое предназначение в том случае, когда духовный сын достигает совершенства в меру полного возраста Христова, то есть достигает истинного, личного Богопознания.

в пустыне один пред лицом Божиим, когда Бог хотел уничтожить народ Израильский, и молил о том, чтобы и ему быть уничтоженным вместе с сыновьями народа своего. Он представил Богу человеколюбие и преступление [заповеди], говоря: Прости им грех их, а если нет, то изглади и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал. Так говорил сей кроткий нравом. Бог же предпочел скорее простить тем, кто согрешил, чем поступить несправедливо с Моисеем.

Писание опускает знаменитое питание [народа] манной и неожиданный прилет перепелов, [опускает] пощение Моисея, превосходящее человеческую природу... но восхваляет только то, что Моисей был человек кротчайший из всех людей.

Памятуя об этой добродетели, также и Давид взывал к Богу, говоря: Помяни, Господи, Давида и всю кротость его. [Он упоминает] не о том, что колени его изнемогли от поста, а плоть истощилась от [недостатка] масла, и не о том, что он был подобен одинокой птице на кровле, но говорит: Помяни, Господи, Давида и всю кротость его.

Давайте же и мы будем подражать сей кротости, чтобы Тот, Кто сказал: Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, научил нас Своим путям и привел ко спасению.

После этой похвалы становится понятно, почему Евагрий говорит, что никакая добродетель не делает ум столь восприимчивым к ведению, как кротость.

6. УЧИТЕЛЬ И ВРАЧ

Духовный отец — это врач и учитель в одном лице, по образу Христа, Которого Евагрий часто называет «Врачом душ». Именно духовному отцу как никому другому известно, «какие лекарства ведут от зла к добродетели и от незнания к ведению».

Лекарства — это средства практической аскезы: «пост, жажда, бдение, удаление от людского мира и молитва». С их помощью очищаются и исцеляются страсти вожделения и гнева. Однако иногда Христос, как «Врач душ», прибегает и к более сильным средствам, таким как унижения и оскорбления, которые испытал на себе и сам Евагрий со стороны своих наставников.

Таким образом духовный отец участвует в жизни отдельного человека, уподобляясь личному ангелу-хранителю, и его равноангельная деятельность не ограничивается «веком сим», но продолжается и в «веке будущем».

7. ТАКТИЧНОСТЬ В ДУХОВНЫХ ВОПРОСАХ

Поучение должно сообразовываться с тем, что может вместить ученик. Нельзя доверять все что угодно первому встречному. В этом отношении Евагрий особенно строг. «Тайны Божии» остаются недоступными не только для тех, кто погряз в грубых страстях, они навсегда останутся сокрытыми и для тех, кто пытается овладеть ими только с помощью «внешней мудрости» мира сего и диалектики: «Царство Небесное не требует души, сведущей в диалектике, оно требует души созерцающей».

Те же вещи, о которых можно говорить не со всеми и не всегда, должны быть предметом размышления наедине с самим собой, советует Евагрий, равно как и в кругу тех, «кто удостоился ведения».

8. ИСТИННОЕ ВЕДЕНИЕ

Для Евагрия не существует «истинного ведения», которое бы не зиждилось на «правой вере», — «правой вере в Святую Троицу», как он уточняет. Эта правая вера, которую истинный умозритель должен воспитывать в своих учениках с помощью

«духовного учения», и есть, как говорит апостол Павел, тот самый драгоценный «добрый залог». И что крайне важно — эта истинная вера возможна только потому, что Святая Троица Сама «открывается» человеческому уму, «склоняется к нему как бы из милости».

Евагрий настойчиво увещевает нас «не богословствовать необдуманно», то есть не высказывать о Боге суждений и не давать Ему определений. Человек, привязанный к материальному миру, фактически не способен говорить о Боге без угрозы ошибиться. Тот же, кто вопреки несовершенству собственного ума углубляется в богословские проблемы, подвергает себя опасности сказать о Боге нечто превратное и вследствие своего заблуждения утратить «духовное ведение», а именно — то сверхразумное благодатное ведение, которое есть чистый дар Духа.

9. ДУХОВНОЕ ТАЙНОВОДСТВО

Евагрий переносит священные библейские события на уровень духовной жизни, создавая общие контуры своего толкования, где Египет означает зло, пустыня — делание, страна Иудейская — созерцание телесного, Иерусалим — созерцание бестелесного, символ же Святой Троицы — Сион.

Этот символизм, который встречается во всех писаниях понтийского монаха, при желании можно развернуть далее. Египет, в силу 430-летнего пребывания в нем богоизбранного народа, неизменно выступает символом «мира сего», мира греха, а значит — зла. Фараон, державший народ в рабстве, символизирует дьявола. Исход из Египта тем самым становится «исходом из [состояния] зла и неведения», а вступление в землю Обетованную означает вхождение в состояние ведения (познания Бога и Его творения).

Только тот, кто успешно выдержал «пустынножителство», может перейти «Иордан» и приступить ко второму этапу духовной жизни — пребыванию в сфере ведения или созерцания.

Итак, с духовной точки зрения, в событиях исхода народа Израильского из Египта, его сорокалетнего странствия и, наконец, вступления в землю Обетованную отражается путь все более глубокого приближения к тайне Святой Троицы.

На этом, полном опасностей, пути, как и во времена древнего Израиля, требуется руководство, ведь брань с «чуждыми народами» (демонами и страстями), обосновавшимися в земле Обетованной, следует вести «ведающим образом», то есть понимая суть этого сложного процесса. Как и в событиях Ветхого Завета, такое руководство в принципе принимает на Себя Сам Бог, однако осуществляет Он его всегда через Своих служителей: в Ветхом Завете это были ангелы, шедшие впереди народа под видом облачного и огненного столпов, кроме того, Моисей и Аарон, а в конце странствия — Иисус Навин.

В эпоху Нового Завета руководство осуществляют опять-таки ангелы, а именно — личный ангел-хранитель, затем — апостолы, как, например, апостол Павел, через которого говорит Сам Христос; а в жизни отдельного христианина — духовные отцы, как «помощники ангелов». Своим духовным учением «они ведут нечестивых к добродетели», а в конце концов — к ведению. Их равноангельское служение есть уподобление Христу как отцу. Ибо наш Спаситель, Бог Слово, пришел, чтобы низвести на землю огонь, то есть Свое духовное учение, и «сжечь» дурные человеческие обычаи, чистых же «подвергнуть испытанию» с тем, чтобы, в конечном итоге, возратить к Богу Его творение ■

Фото: архимандрит Симон (Новиков)

Преподобный Сисой СХИМНИК

О житии преподобного Сисоя сохранилось немного сведений. Дата и место его рождения неизвестны. Лишь по итогам исследований архиепископа Филарета (Гумилевского) было сделано предположение, что в Киево-Печерском монастыре он подвизался в XIII в.

Согласно краткому жизнеописанию, преподобный Сисой схимник проводил пещерную жизнь свою в великих постнических трудах. Его воздержанию удивлялись все, знавшие его. Он победил все страсти плоти и духа и приобрел великую благодать от Бога.

Святые мощи угодника Божия почивают в Дальних пещерах. На картах 1638 — 1678 гг. они отмечены в усыпальнице в виде широкой ниши для двух подвижников рядом с мощами прп. Григория.

В общей службе преподобным отцам Печерским, в Дальних пещерах, прп. Сисой воспоминается вместе с прп. Григорием: «Сисое чудне и Григорие, имя от бодрости имевый, оба постом обуздавше своя страсти, свирепеющую похоть нашея плоти смирите: вам бо дана есть благодать в страстях нам способствовати» (5-я песнь канона).

Как показывают медико-остеологические исследования, проводившиеся в 80-х годах XX века, прп. Сисой почил в возрасте 45 — 50 лет. На основании продольной сквозной щели на голове было сделано заключение, что «это результат удара клиновидным оружием (топором) и... это послужило причиной смерти».

Память святого подвижника празднуется 19 июля, в день преподобного Сисоя Великого (V век) ■

Воспоминания профессора Никодимова

В 1918 году в Киево-Печерской Лавре поселился профессор Иван Николаевич Никодимов. Будучи юрисконсультom монастыря, он как никто другой был знаком с хозяйственной деятельностью обители, ее управлением, защитой интересов и борьбой за существование в тяжелое советское время. Проживая здесь вплоть до 1943 года, Иван Николаевич составил подробные записи всего, что происходило в этот период. Эти важные воспоминания профессора журнал «Печерский Благовестник» продолжает публиковать в своих изданиях

ЛАВРСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ

Лаврское церковное пение хорошо известно любителям духовной музыки. Мелодии, которые лежат в основе этих напевов, насчитывают не одну сотню лет. Я был близко знаком со знатоком и гармонизатором лаврских напевов иеромонахом, а впоследствии игуменом и архимандритом Флавианом. Он всей душой отдавался своему любимому делу. У него в келье хранился старинный лаврский обиход, написанный в старом альтовом ключе, причем ноты изображены были в виде квадратиков. Отец Флавиан очень любил показывать этот обиход посетителям и давал весьма интересные пояснения, как из старинной ведущей мелодии, написанной для одного голоса, в которой, однако, уже скрывалась вся художественная полнота лаврских напевов, под пером опытного чуткого гармонизатора выростала дивная многоголосая гармония лаврского хора. И должно признать, что обработка лаврских мелодий о. Флавианом действительно производилась с большой бережностью и стремлением сохранить точность и своеобразие старинных напевов. Это, однако, сделать было не так легко. В лаврских напевах чрезвычайно много особенностей, и правильно передать оригинальность мелодии было задачей нелегкой. Когда слушаешь эти распевы, то реально ощущаешь их мощь и величие. Они многогранны: в них чувствуются и грусть и тоска мятежной кающейся души, и величие религиозных настроений, и хоралы торжества победы духа над материей, и звуки народных песен. Все это

слилось в одну стройную, подкупающую своей художественной простотой, строгой гармонией и величием, прекрасную мелодию. Для подобных мелодий был нужен и своеобразный по своей конструкции хор, именно такой хор, в родной для которого среде веками создавались эти мелодии. Таков был лаврский великоцерковный хор. Он состоял из теноров (первых и вторых), басов (первых и вторых октав) и альтов-канонархов. Появление в лаврском хоре последних относится к весьма древнему времени и объясняется следующим обстоятельством: в старину, когда книгопечатания еще не существовало, книга представляла собой большую редкость. На клиросе, в котором числилось около семидесяти певчих, имелся один рукописный экземпляр текста песнопений. Совершенно понятно, что написанный не всегда разборчиво, он читался с трудом. Если учесть, что в прежние времена храмы освещались исключительно восковыми свечами, становится понятным, что по одной книге столь большой хор петь был не в состоянии. Для облегчения певчих один из них, обыкновенно тенор, а впоследствии альт, на высокой ноте в тональности пения читал нараспев или, вернее, речитативом слова песнопения, соответствующие одному стиху или одной музыкальной фразе. Немедленно вслед за этим весь хор повторял прочитанное. Таким образом исполнялось все песнопение, причем канонарх, несмотря на изменение тональности песнопения, не модулировал, не изменял первоначального тона и только в заключительном стихе

заканчивал повышением голоса. С распространением печатных книг смысл такого канонаршества в значительной степени был утрачен, но традиция осталась. Теперь канонарх не только канонаршил, но и участвовал в хоре в качестве альта. Голоса у канонархов были сильные и звонкие и на фоне гармонии мужского хора очень выделялись. На большой хор бывало достаточно одного-двух канонархов. На оба клироса (или, как монахи называли, «крылоса») Великой церкви по штату числилось двенадцать канонархов, однако, фактически состояло сначала восемь, а затем шесть, причем они в обычные службы чередовались. На Ближних Пещерах в мое время оставалось всего два канонарха, а на Дальних Пещерах они были и вовсе упразднены. В период немецкой оккупации после реставрации Лавры в хоре принимал участие всего один канонарх.

Некоторым любителям более изысканного церковного пения не нравились лаврские распевы, не нравился и лаврский хор, но большинство богомольцев и слушателей были очарованы этим пением, поддавались гипнозу его чудесной гармонии и память о нем оставалась у них навсегда. В большинстве лаврских церквей исполнялись именно эти лаврские распевы, хотя в небольшом составе и без канонархов они звучали не так выразительно.

Митрополичий хор

Хор, в котором процветали мелодии нового стиля, был хор митрополичий. Это был также великолепный хор, возглавляемый весьма опытным регентом и композитором иеромонахом Иадором. В исполнении этого хора чувствовались влияния новой музыки, мелодии в стиле Веделя, Архангельского, Бортнянского. Сообразно с выполняемыми номерами и хор был построен по типу четырехголосного с дискантами и альтами, мальчиками. Как-то раз митрополит Антоний организовал интересный концерт, в котором попеременно принимали участие и митрополичий, и великоцерковный хоры. Этот концерт вылился в своеобразное соревнование двух разных по типу и по исполнению вокальных ансамблей и окончился триумфом лаврского великоцерковного хора. Сначала выступал митрополичий хор с какой-то очень трудной, замысловатой гармоничной мелодией. В ней было много чисто светской романтики и нежности. Бесспорно, исполнение и само музыкальное произведение про-

извели на слушателей большое художественное впечатление. На смену зазвучал великоцерковный хор. Он исполнял с участием «уставщика» и канонарха, по всем правилам и традициям лаврских клиросов «На реках Вавилонских». Сначала вступал мощный и низкий бас, который пел соло слова «На реках Вавилонских». На высокой ноте в тональности песнопения канонарх подхватывал «тамо седоком и плаком». Вслед за этим раздавалось могучее величественное пение двух, соединенных в один хор клиросов, которые повторяли произнесенные канонархом слова. Содержание, как нельзя лучше, гармонировало с мелодией, а исполнение было выше похвал. Тоска по потерянной родине, безмерная грусть и стенания сменялись торжественными хоралами гордости и любви к отечеству. Конечно, тонкие нюансы сложных мелодий, быть может, были менее доступными для подобного хора и едва ли были бы исполнены так, как это сделал бы митрополичий хор. Однако лаврские мелодии выковывались на протяжении веков именно для подобного хора; они создавались в среде именно этого хора, и здесь и распевы, и сам хор как нельзя лучше соответствовали друг другу.

А акустика и настроения Великого собора дополняли впечатление. В некоторых местах песнопений мелодия разрасталась как бы в море звуков, на которые набегали все новые и новые волны; силу ее можно было ощутить лишь благодаря великолепному резонансу Великой церкви. Часто хор давал только «звуковые толчки», а заканчивала гармонию акустика. Благодаря этой же акустике иногда на правом клиросе пело всего пять-шесть монахов, а получалось впечатление полного большого хора. На правом клиросе Великой церкви пел иеродиакон, а потом иеромонах Иерадион. Он обладал необыкновенным громохвостым басом. В тех местах песнопений, где именно нужно было дать упомянутые «акустические толчки» под своды Великого собора, он выпускал потрясающей силы рыкающие звуки, которые долго колебали и сотрясали воздух храма.

А звуки лились, разливались, заполняли все уголки храма. Они проникали глубоко в душу и оставались в памяти навсегда, то могучие и сильные, как шквал, как ураган протестующей души, то обессиленные, нежные и тихие, и всегда льющиеся, непрерывные. Точно исполнителем мелодии был не хор, а какой-то мощный орган, умеющий, однако, передать все сложные модуля-

ции человеческого голоса. Успех великоцерковному хору был обеспечен. Многоголосное «ах» раздавалось, когда замирали последние звуки песнопения.

ЛАВРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Лаврские богослужения отличались продолжительностью не только потому, что точно выполнялся устав монастырской службы, но и в силу своеобразия лаврского пения. Оно было протяжным и изобиловало многочисленными повторениями. Так, например, «аминь» перед «Херувимской» повторялось двенадцать раз. Как при Великой церкви, так и в других храмах Лавры, состоял уставщик или регент. На обыкновенные службы уставщики ходили по очереди, так как у каждого из них было по два подуставщика. Подуставщики вообще являлись помощниками уставщика и заменяли его во время его отсутствия, когда уставщик совершал богослужение.

Для уставщика и его помощников на клиросе были устроены возвышения и «формы»; такие же «формы», но без возвышений, были установлены вдоль всего клироса и для певчих, однако, в праздничные службы певчих было значительно больше, нежели «форм», и потому остальные стояли без этой опоры.

Все монахи-певчие на клиросе стояли в клобуках и лишь в торжественные моменты снимали их, кладя на плечо. Особенно торжественное и величественное пение звучало во время исполнения песнопений соединенными клиросами. В определенные моменты богослужения оба хора (правого и левого клиросов) выходили на середину храма и под управлением уставщика правого клироса выполняли с канонархом или без него богослужебную мелодию. Так бывало на Богородичных, на «Хвалите имя Господне», на Славословии, «Тебе поем» и т.д. Объединенный хор звучал мощно и величественно. Во время этих песнопений все монахи обнажали головы.

Послушание великоцерковных певчих было значительно утомительнее, нежели певчих митрополичьего хора, так как в первом случае само пение из-за сложности и силы было тяжелее, а продолжительность богослужений доходила иногда до семи часов. Кроме того, все певчие великоцерковного хора должны были по очереди участвовать в ночных богослужениях. Ввиду этого для подкрепления сил было принято накануне больших праздников и воскресных дней

выдавать всем великоцерковным певчим по куску осетрины.

Лаврские певчие не были выделены по своему месту жительства наподобие митрополичьего хора, который занимал отдельный корпус. Этот корпус, расположенный непосредственно около Святых ворот, состоял из дортуаров для мальчиков и келий взрослых певчих. Там же находились певческие комнаты, классные комнаты для занятий и др. Канонархи Великой церкви имели общежитие в Верхней Лавре, а канонархи Ближних Пещер — на Пещерах. Певчие митрополичьего хора ходили в подрясниках или, если это были монахи, в рясах. Мальчики также носили подрясники, подпоясывались монашеским ремненным кушаком и на голову надевали остроконечную скуфейку из черного бархата. У канонархов одяние было такое же, однако, в отличие от мальчиков митрополичьего хора, они носили длинные волосы. Митрополичьи певчие на праздничных богослужениях пели в синих кунтушах, из которых впоследствии для них были сшиты изящные синие костюмчики. В рядовые дни оба хора, и митрополичий, и великоцерковный, принимали участие в богослужении лишь частями, по очереди.

В последние перед окончательным закрытием Лавры дни хоры распались. Прежде всего в них перестали участвовать мальчики. Органы Наркомпроса категорически возражали против участия детей в церковных богослужениях и предполагали их всех взять в свои интернаты. Однако протест пришел совершенно неожиданно со стороны самих юных певчих: они проявили себя необыкновенными патриотами Лавры и заявили, что никуда не пойдут из обители. Несмотря на уговоры и угрозы, они продолжали посещать церкви. Однако это становилось небезопасным для Лавры и потому они должны были уйти из хора. Встречаясь впоследствии с многими из них, я мог убедиться, что в их сердцах сохранилась большая привязанность, любовь и благодарность к Лавре. Родители этих детей поручали их с большим доверием заботам Лавры, иногда отдавали в монастырь по обету и, конечно, не хотели, чтобы вместо монастыря их дети попадали в сомнительные советские пансионаты. До последних дней Лавры некоторые канонархи по собственной инициативе продолжали участвовать в богослужении, благодаря чему сохранялся стиль великоцерковного хора ■

Праздник Рождества Христова в Лавре

Статья из журнала Киево-Печерской Лавры
«Свет Печерский» № 52 / 1914 год, 25 декабря

Радостный праздник Рождества Христова обычно отмечается в нашей святой обители особенно торжественным богослужением и целодневным звоном. Несмотря на зимнее время, к этому великому дню стекается иногда довольно значительное число богомольцев из разных мест империи, а в самый день праздника очень много бывает и местных горожан — любителей лаврских уставных и умирительно-трогательных служб. Торжество богослужения начинается с кануна праздника. В этот день, утром, во всех тех храмах обители, в которых ежедневно отправляются полные дневные службы (вечерня, утреня и литургия), совершаются так называемые царские часы, а после них — великая вечерня и литургия свт. Василия Великого. В великой (главной) церкви обители часы начинаются в 9 часов утра, а вечерня с литургией в 12 часов дня и оканчивается около 4 часа пополудни; в прочих же церквях службы эти начинаются и оканчиваются в разное время, так что усердные богомольцы могут прослушать их в нескольких храмах. После отпуста литургии износится на средину храма праздничная икона, сюда исходят из алтаря священнослужители и клирошане с клиросов и поют торжественно тропарь и кондак праздника. Затем произносится царское многолетие по полному титулу, положенное на царских часах, и бывает поклонение праздничной иконе. После всего этого братия идет в трапезу и вкушает положенную по уставу пищу — кутью и взвар.

Праздничное всенощное бдение начинается Великим повечерием. Благостно к бдению в Великой церкви, на обеих пещерах и в больничном монастыре начинается в 11 ч. ночи; в прочих же церквях бдение совершается с вечера, в 5 и 6 часа.

Под звуки могучих колоколов братия обители и богомольцы спешат в храмы на молитву. Все ярусы величественной лаврской колокольной расщелины освещаются огнями. А в храме, громко и отчетливо, читается Великое повечерие. По временам чтение это прерывается громогласным и стройным пением «С нами Бог, разумеете языцы, и покаяйтесь Ему» и тропаря и кондака праздника. Но вот зачитали на повечерии Великое славословие и из алтаря исходит собор священнослужителей в мантиях во главе с о. наместником и направляется в притвор храма, в предшествии величественных светильников. Это начинается праздничная лития... Полиелей совершается особенно торжественно. Ирмосы канона с катавасиями тоже поются очень торжественно на оба лика. Всех их бывает до 48. Не менее торжественно выходит также Великое славословие и «Святой Боже».

Оканчивается бдение в Великой церкви в 4 ч. утра, а иногда и позже...

Литургия начинается в этот день порану, а именно: в Великой церкви в 8 ч. утра, а в прочих церквях между 6 и 7½ часами утра. Поэтому всякий богомольец может успеть к литургии если не в той, так в другой церкви. Во всех церквях служба совершается соборно, с архимандритом или игуменом во главе.

После окончания службы в Великой церкви братия идет с праздничной иконой в келлии отца наместника для принесения поздравления ему. Затем все идут в братскую трапезу, где и предлагается праздничное утешение. Улучшенная трапеза предлагается в этот день также и для богомольцев и странников, в особой обширной столовой при странноприимнице. До вечернего богослужения братия отдыхает. Одни только канонархи и малые певчие крестового хора неугомымы: они бегают по келлиям и звонкими голосами славят Христа.

Слово Высокопреосвященнейшего Владимира, сказанное 4 января 1916 г. при вступлении во св. Киево-Печерскую Лавру

Святая Лавра давно близка моему сердцу. Еще учась в здешней академии, я не раз и не два хаживал сюда насладиться духовной радостью, насытиться глубокими религиозно-нравственными переживаниями. И в последние десять лет не раз и не два приходилось мне здесь бывать... Но то я бывал здесь гостем, а теперь неожиданно для меня и, быть может, еще неожиданней для вас, Господь привел меня прибыть к вам, братие, не гостем, а начальником, войти сюда с пастырским жезлом... Всюду, где Господь указывал мне служение, я старался назидать своих пасомых словом церковным. Что же я вам, братие, скажу ныне? Я всегда стараюсь взоры своих слушателей устремлять туда, к небесам, так как главное зло нашей жизни в том, что многие живут так, как будто они не должны и не думают умирать. Я потому всегда объявлял жестокую брань миру сему. Я срывал с него маску лжи и прелести, коей он обольщает и увлекает на свои пути легкомысленных людей, не понимающих, что скрывает мир за этой обольстительной маской. Но не вам, братие, иноки, давно оставившим мир с его прелестями, говорить об этом. Вы сами давно порвали связи с миром. А потому я обращаюсь к вам с другим назиданием: я призываю вас, братие, возблагодарить Господа Бога за то, что он помог вам уйти из мира. Ведь сколько людей искренне завидуют вам. Они изнывают в тяжелой брани с миром, они всю жизнь рвутся из оков суеты, но никак не могут разорвать крепкие цепи мира; они очень стремятся в горный Иерусалим, но вот и поныне остаются в Вавилоне, и, подобно евреям, они плачут, горько плачут, повесивши арфы свои на ивы... Действительно, братие, как не завидовать здесь живущим. Чего вам недостает? Если мир и врывается временами за эти стены, то как кратковременный гость, пришедший отдохнуть душой, утешиться теми духовными радостями, коими живущие здесь наслаждаются день и ночь. И сколько радости, сколько наслаждения в дивных службах церковных святой Лавры, сколько утешения, сколько веселия жить среди сонма святых угодников Божиих, почивающих в здешних пещерах!

А потому, призывая вас к благодарению Господу Богу за чрезвычайные Его милости к вам, напоминаю вам, братия, и то, что усердной молитвой возгревается и умножается благодать Божия в нас. Как ни крепки, как ни высоки стены обители, но они не спасут нас от мирского соблазна и искушения, если мы не будем пребывать в постоянной молитве. Никакие, самые длинные, службы церковные не освятят нас, если мы не будем очищать свое сердце слезами покаянной молитвы. А потому будем же, братия, горячо и единодушно молиться Господу Богу и Его Пресвятой Матери, так возлюбившей сие святое место, да укрепляются стопы наши на путях правды и истины. Будем припадать с горячей молитвою к святым мощам угодников Божиих, да помогут они и нам сохранить себя от мирского мятежа и соблазна. Будем усердно взывать к Святому Духу: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша!». Аминь ■

ЛАВРСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ СЯТТЕЛЯ ВЛАДИМИРА

«Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать жизнь свою за Церковь Христову и за веру православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею»
Свт. Владимир (Богоявленский)

В начале декабря 1915 года в Лавру пришло известие, что митрополитом киевским и галицким назначен первенствующий член Священного Синода, митрополит петроградский Владимир. Уже через месяц лаврская братия со святыми крестами и хоругвями торжественно встречала его у входа в Великую церковь. Чувствовался душевный подъем. Владыка приветствовал собравшихся: «Я всегда старался возбудить в слушателях тоску по Небесном нашем Отечестве... всегда объявлял жестокою брань миру сему. Я срывал с него маску лжи и прелести, коей он обольщает и увлекает на свои пути легкомысленных людей, не понимающих, что скрывает мир за этой обольстительной маской. Но не вам, братие, иноки, давно оставившим мир с его прелестями, говорить об этом. Вы свободны от мира. Мир если и приходит сюда к вам, то как кратковременный гость, пришедший отдохнуть душой, утешиться теми духовными радостями, коими живущие здесь наслаждаются день и ночь. Возблагодарим же за это Господа!»

Разве можно было представить, что спустя лишь год, возбужденный революциями мир ворвется в обитель уже не как гость, а, скорее, как наглый возмутитель? А еще через время, так тепло встречавшая своего нового священноархимандрита братия, будет молча, словно окаменев, провожать его из обители, смело идущего на расстрел.

Блаженство изгнанных правды ради

Назначение митрополита Владимира в Киев было скорее изгнанием, чем просто переводом на новую кафедру — не пришлось «ко двору». Впрочем, много ли требуется, чтобы заслужить немилость, особенно перед людьми, наделенными властью. «Делай свое дело, говори правду, не подхалимствуй, — и этого вполне достаточно». Да и сам митрополит, едва лишь узнав о своем назначении в Петроград, словно предрекал: «Я человек не этикетный, могу не прийтись там "ко двору" — там разные течения, а я не смогу следовать за ними, у меня нет характера приспособляемости».

В самом деле, опасных течений вокруг царского двора было хоть отбавляй. Чего только стоил Гришка Распутин — сибирский странник, бросавшийся то в подвиг, то в распутство, ставший, благодаря доверию царской семьи, настолько влиятельным, что чиновники и даже архиереи добивались его расположения. «Он смещал министров, тасовал придворных, как колоду карт. Его немилости страшались пуще, чем царского гнева».

Мириться или даже просто закрывать глаза на эту вопиющую наглость митрополит Владимир не стал. Летом 1915 года он добился аудиенции у императора Николая II и прямо высказался против вмешательства в церковные дела посторонних лиц, в частности Распутина.

«Да, это был живой пример нашим владыкам, — восхищался поступком митрополита архиепископ Антоний (Храповицкий), — в то время как другие совершенно изолгались и постоянно изменяли своим убеждениям, митрополит Владимир не боялся говорить "правду царям"». И это в свои 67 лет, когда у всех только и забот, как о спокойном течении жизни. К слову, уйти на покой владыке Владимиру тогда очень даже советовали. «По человеческим соображениям, я с вами согласен, пора и честь знать, — отвечал митрополит, — А по Божьему — как? Удобно ли испытывать и предупреждать волю Божию? А долг, который мы клятвенно обещались исполнять? Скажут, что ушел из-за оскорбленного самолюбия. Нет, видно такова воля Божия. А умереть все равно, где».

Военный надлом

Киев резко отличался от северной столицы, которая все время куда-то спешила. Он был «тихой заводью... Киевляне — тихие, медленные и без всякой американизации». Разве что война внесла в жизнь города свои коррективы. «Нефти и керосина не хватало. Электрические станции работали с перебоями... Цены на все выросли в 2 — 3 раза... Очереди за хлебом, мясом, сахаром... Старый, красивый и чистый город нельзя было узнать: засоренные мусором улицы, тусклое освещение, особенно на окраинах... Лазареты были переполнены ранеными. Солдаты были раздражены большими потерями на фронте и дезорганизацией жизни, и недостатком продуктов в тылу».

Эта солдатская боль во многом волновала и митрополита Владимира. В середине января он выезжает в действующую армию «для преподавания своего благословения». Вместе с тем, он посещает киевский и лаврский лазареты. Обходит там «все палаты и всех раненых и больных. Каждого воина он с отеческою любовью и вниманием расспрашивал о семейном положении, о полученных в боях ранах, об отношении к тяготам войны и о душевном настроении; всех ласково утешал и всем раздал в благословение св. Евангелие». Ему хотелось ободрить и поддержать солдат, внести в их сердца хоть немного радости. Ведь даже по лицам военных было заметно, что их прежняя устойчивость пошатнулась. Кротость, молчаливая готовность к подвигу угасли.

Неудачи на фронте с потерей западных губерний только усугубили положение войск. «В 1915 — 1916 гг. из армии дезертировали около 2 млн. человек». Они были готовы к любому бунту, лишь бы их не гнали в окопы. Недовольство военных передавалось рабочим. Начались забастовки на оборонных заводах. И чем дальше, тем дела становились все мрачнее и мрачнее. Особенно в северной столице, где в феврале 1917 года войска и вовсе перешли на сторону революции.

Ритм нового времени

Новость, что старая власть свергнута и что взамен ей образовано Временное правительство, была встречена «многомиллионным вздохом облегчения». Все ужасно радовались. В воздухе царил уверенность, что с вступлением на путь демократического обновления страна скоро «начнет создавать новую счастливую будущность». Даже в Синоде к перевороту отнеслись достаточно спокойно, так что уже на третий день после отречения императора издали постановление: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни».

Демократизация и вправду стала новой для государства чертой. «Не читаться, не слышать аплодисментов — всякому казалось все равно что не жить. И всякий рвался в самую гущу этого волнения, которое так легко овладело человечеством». «Киев, да и все города империи, превратился в площадку для митингов. Митинг был сплошным. Он начинался с раннего утра и продолжался до поздней ночи. В нем принимали участие все желающие. Местом митинга были городские сады и парки, бульвары и площади. Солдаты прекратили строевые и учебные занятия и захватили сады. Ораторы один за другим поднимались на трибуну — это обычно была скамейка, стол, подножие памятника. Каждый хотел сказать свое слово... Тех, кто призывал продолжать войну, встречали криками "долой" и сгоняли с трибуны». На улицах — шествия, «Марсельеза», красные банты, красные флаги. Священники, чиновники — все в бантах. Всюду спешно созываются епархиальные съезды, обсуждаются недочеты церковной жизни, принимаются всевозможные требования и пожелания.

Общество буквально изменялось на глазах. Вместе с призывом поэта «оставить любопытство толпе и быть заодно с гением», в небытие стали уходить и культура скромности, и чувство иерархичности, и способность разглядеть подделку. «Истина» теперь была за теми, кто всех громче умел кричать. Никого больше не заботило сохранение того «аромата, который вносится в цивилизацию всегда индивидуальными усилиями исключительных людей, и без которого жизнь была бы тягостна или, по крайней мере, безуютна, жестка».

А ведь именно жесткость стала характерной чертой нового времени. И если март-апрель 1917 года можно было еще назвать «медовыми месяцами» революции, то дальше, что «началось и продолжалось в течение четырех лет, никакому описанию не поддается... По счету киевлян было 18 переворотов... и гремело, и клокотало, и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах». «В деревнях грабежи и разбой, в уездах погромы помещичьих усадеб и убийства помещиков. Случалось, что на праздник деревня отправлялась в церковь, а после обедни всем миром грабила соседние усадьбы... Особенно неистовствовали в прифронтовой полосе. Тут была просто вакханалия. И немудрено! Все вооружены, все на войне привыкли к тому, что человеческая жизнь ничего не стоит». «Пьянство и грабеж переплелись

в неразрывный клубок. Вот это и было подлинное “творчество” народных масс — инициатива снизу».

В положении надвигающейся на страну катастрофы, особенно летом, когда на улицах Петрограда начались расстрелы демонстраций, а следом за ними бунты, Священный Синод выпустил послание к чадам Церкви и гражданам России «о чрезвычайных обстоятельствах переживаемого времени»: «...Пробил час общественной свободы Руси... И расцветала надежда на то, что Русь, сбросив с себя сковывавшие ее политические цепи, обратит всю мощь свою на освобождение свое от немецкого ига, и весь разум свой — на мирное внутреннее развитие и устройство государства и общего народного блага. Однако, к глубокой скорби страны, не долго было суждено исстрадавшейся Родине жить этой надеждой. Вслед за свободой к нам проник новый злой враг и посеял на Руси плевелы... Хищения, грабежи, разбои, насилия и обострившаяся партийная политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате, вместо свободы — новое взаимное угнетение, вместо братства — охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений. Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратится “смятение и поправление и замешательство от Господа Бога” (Ис. 22:5)».

НА ГРАНИ РАСКОЛА

Между тем, в киевском комитете духовенства и мирян сторонники отделения ни о каком братстве и слышать не хотели. Объятые мещанской радостью от возможности дорваться до решения главных церковных вопросов, они крайне враждебно высказывались и против Синода, и против Киевского митрополита. Не помогли ни синодальные уступки в языковом вопросе, ни мольбы и увещания самого митрополита: «Пастыри и пасомые! Всей полнотой архипастырской любви своей молю вас, поддерживайте всеми мерами единение между собою и со всей Православной Русской Церковью — в этом счастье, величие и сила всего русского народа как в прошлом, так и в будущем. В настоящее же время, это единение особенно необходимо для успешной борьбы с нашими врагами — внутренними и внешними... Молю вас, помнить, что если вы призываетесь к активному участию в церковном епархиальном управлении, то этим самым возлагается на вас великая ответственность пред всей Киевской Церковью. Отнеситесь же к таким великим своим обязанностям как должно, внимательно, усердно, терпеливо и, главное, имея в сердце своем дух Христов, и да не будет между вами разделений и вражды.

К тому же, — продолжал увещание митрополит Владимир, — в настоящее время, увеличивается все больше и больше число людей, совершенно не понимающих ни высоты христианской религии, ни духа ее..., считающих высшим достоинством быть либеральными в отношении вопросов веры и нравственности. Многие находят особенную заслугу в том, чтобы вселить в души русских людей такое либеральное отношение... [Однако] не нужно забывать, что христианская вера не есть человеческое измышление, а божественные глаголы, и не может она изменяться сообразно с человеческими понятиями, и если человеческие убеждения стоят в противоречии с божественными истинами, то разумно ли придавать какое-либо значение этим убеждениям, считать их правильными и руководствоваться ими в жизни? Мы, конечно, должны терпеть и не согласных с нами и даже явно заблуждающихся, отно-

ситься к ним снисходительно, но от заблуждений их должны отвращаться и с заблуждениями бороться и доказывать их несостоятельность. Это должны считать своим долгом и пастыри христианской Церкви, и истинные последователи Христова учения...

К общему бедствию по всей земле русской, присоединяется еще наше местное, увеличивающее немало душевную скорбь. Я говорю о том настроении, которое появилось в южной России и грозит нарушением церковного мира и единства. Для нас страшно даже слышать, когда говорят об отделении южнорусской церкви от единой Православной Российской Церкви. После столь продолжительной совместной жизни имеют ли для себя какие-либо разумные основания эти стремления? Откуда они? Не из Киева ли шли проповедники православия по всей России? Среди угодников Киево-Печерской Лавры разве мы не видим пришедших сюда из различных мест Святой Руси? Разве православные южной России не трудились по всем местам России как деятели церковные, ученые и на различных других поприщах, и наоборот, православные севера России не подвизались ли также на всех поприщах в южной России? Не совместно ли те и другие создавали единую великую Православную Российскую Церковь? Разве православные южной России могут упрекнуть православных северной России, что последние в чем-либо отступили от веры или исказили учение веры и нравственности? Ни в каком случае... К чему же стремление к отделению? К чему оно приведет? Конечно, только порадует внутренних и внешних врагов. Любовь к своему родному краю не должна в нас заглушать и побеждать любви к единой Православной Русской Церкви».

После неоднократных попыток достучаться или хотя бы смягчить агрессивный тон оппонентов, которым только и нужен был что повод для раздора, владыка был настолько потрясен и пришел в такое расстройство, что почувствовал себя нездоровым и едва живым вернулся в Лавру. В ближайшие дни ему предстояло открывать Всероссийский церковный Собор в Москве.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР

Открытие Поместного Собора было, пожалуй, самым важным событием религиозной жизни эпохи Временного правительства. Необходимость его созыва назрела уже давно, и далекая революция 1905 года, можно сказать, стала его прологом. Тогда, после реформ государственного устройства, в Синоде нашли нужным узнать, какие преобразования, по мнению правящих архиереев, необходимы в церковной жизни. На запрос откликнулись достаточно многие. Были получены целые трактаты различных предложений и, в течение последующих двух лет, Предсоборное присутствие усердно работало над всем этим материалом, составив, в конечном итоге, четыре тома меморандумов. Однако дальше дело так и не продвинулось — в правительстве нашлись весьма влиятельные тому противники. Теперь же, когда Синод принял «Положение о созыве Собора», этот ценнейший материал был взят за основу.

Собор открылся 28 августа. Вокруг Успенского собора в Кремле собрались «несметные толпы народу... Крестные ходы от всех соборов, монастырей и церквей Москвы... Лес хоругвей... Митрополит Владимир с амвона огласил грамоту Святейшего Синода об открытии Собора и предложил членам Собора произнести Символ Веры... В течение всего дня во всех храмах непрерывно звонили колокола».

На третий день начались деловые заседания. Были созданы комиссии: административная, епархиальная, приходская, учебная, богослужебная,

экономическая и т.д. (митрополит Владимир возглавил церковно-дисциплинарный комитет). Попутно обсуждались различные вопросы: о восстановлении патриаршества, об отношениях с государством, о литургическом языке, о системе образования... Особенно жаркие и интересные дебаты возникли в отделе по вопросу перевода богослужения. «Профессор Кудрявцев высказал мысли, которые разделяли многие. "Я ничего не имею против перевода, — сказал он, — но кто будет переводить? Богослужение — священная поэзия. Если Шекспира переводить трудно, потому что надо, чтобы переводчик был на высоте поэзии, которую он переводит, то для богослужения нужен не только поэт, но и святой поэт. Мы имеем переводы некоторых отрывков из св. Иоанна Дамаскина, сделанные Алексеем Толстым, но и это лишь приближение к настоящему..." Вопрос о переводе богослужения был отвергнут. Украинцы негодовали. Они стояли за перевод независимо от соображений эстетики». Понятное дело — в Киеве с начала мая уже шла подготовка к изданию Священного Писания на украинском языке.

В ноябре работу Собора пришлось приостановить. Вся Москва была охвачена гражданской войной. Жаркая стрельба, трескотня пулеметов, канонада из пушек, штурм Кремля. «На заседании Собора решено было послать делегацию из епископов, священников и мирян в революционный штаб. Большевики делегацию не приняли, впустили одного митрополита Платона. В ответ на его мольбы — прекратить кровопролитие — комиссар закричал: "Поздно! Скажите юнкерам, чтобы они сдавались..." Митрополит Платон встал на колени... Но большевики были неумолимы. Попытка Собора вмешаться в междоусобную брань оказалась безуспешной». Впрочем, для подавляющего большинства членов Собора захват власти большевиками казался своеобразной исторической случайностью. Никто не предполагал, что большевистский режим — надолго.

Вскоре работу Собора продолжили и «после двух месяцев речей "за" и "против" патриаршество было восстановлено подавляющим большинством». 18 ноября в храме Христа Спасителя состоялось его избрание. «На аналой перед иконой Владимирской Божией Матери был поставлен ларец с тремя записками, на которых были начертаны имена кандидатов, [набравших большинство голосов в предыдущих турах голосования]. Кого из трех иерархов избрать Патриархом? В этом решающем голосовании имели право участвовать одни епископы. Но они решили от своего права отказаться и положиться на Господа, т.е. постановили избрать Патриарха посредством жребия... Храм, вмещавший до 12000 молящихся, был переполнен. Все с трепетом ждали, кого Господь назовет... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, — и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец — иеросхимонах Алексей, затворник Зосимовой Пустыни. Он трижды перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел: "Тихон, митрополит Московский". Словно электрическая искра пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита: "Аксиос!", который потонул в единодушном "Аксиос!.. Аксиос!.." духовенства и народа. Хор вместе с молящимися запел "Тебе Бога хвалим"... Ликование охватило всех. У многих на глазах были слезы. Чувствовалось, что избрание Патриарха для всех радость, что теперь у всех есть заступник, предстатель, отец... Всем хотелось верить, что с Патриархом раздоры как-то изживутся».

Во время интронизации митрополит Владимир напутствовал избранника словами: «Сколько прозорливости требуется от церковного вождя! А какие

большие силы духовных разбойников: атеистов, материалистов, социалистов и т.п., стоят на пути Святой Церкви Христовой! Сколько, следовательно, предусмотрительности требуется от церковного кормчего. Да и на самом корабле церковном есть ведь и такие корабельщики, которые вступают в заговор с противниками Церкви Христовой. И в мирное время трудно управлять церковным кораблем, а в наше время... это — страшное для Церкви время! Положение ее ужасно... Но да не смущается сердце твое, Святейший Патриарх. Не ужасайся этих врагов Святой Божией Церкви. Ведь ты не один и не беспомощен. С тобою Тот, Кто указал тебе быть Патриархом, с тобою Заступница наша Матерь Божия, с тобою святые митрополиты Московские и всея России».

Вообще, митрополит Тихон был очень живым человеком и не был похож на типового архиерея. Примечательный отзыв о нем оставил один галицкий священник: «приход посетил преосвященный Тихон — первый раз в архиерее вижу человека». Бывший третьим среди избранных людьми, он оказался первым среди избранных Богом. И не просто первым патриархом, но святым патриархом. Впрочем, во всей этой истории если и удивляться, то лишь тому, почему избрание по жребию до сих пор так и не стало прочной церковной традицией.

АВТОКЕФАЛЬНОЕ БРОЖЕНИЕ

Тем временем в Киеве церковные нестроения только нарастали. Сторонники отделения, сами того не замечая, как становятся заложниками политической авантюры, сначала объединились во Всеукраинскую церковную раду, а затем, не без помощи военных, стали продвигать инициативу по созыву собственного церковного собора. Кроме политической, эта затея никакой другой, и уж тем более церковной, нужды не имела хотя бы потому, что «постановления Всероссийского Московского Собора были настолько широки, что отвечали и нуждам Украины. Кроме того, украинские епархии были широко представлены в Москве и епископами, и духовенством, и мирянами. Они могли достойно защищать законные и полезные нужды Украины».

Вот только церковная рада жила совсем иными заботами, да и вообще представляла из себя необычайную смесь всего на свете. В ее состав входили до пятидесяти человек из разных организаций: священники, военные, профессора... «Для них не существовало истории, не было кровного братства. Не говоря уже о вере, о Церкви. Была только шумная, бешеная вражда против великороссов, "москалив"». Притом настолько неистовая, что призывов «ризати кацапив!» не стыдились даже священники. «Среди них выдающееся место по своему фанатизму, возрасту и даже огромной с проседью бороде занимал прот. Василий Липковский». Возглавлял же эту компанию бывший Владимирский архиепископ Алексей (Дородицын), которого после революции собственная же паства прогнала из Владимира за слишком дружеские отношения с Распутиным.

Как подорвать доверие к Патриарху Тихону и при этом сместить с Киевской кафедры митрополита Владимира? — вот что в первую очередь беспокоило всю эту раду. Для этого распускались слухи о Патриархе как о «новом самодержце», через которого «россияне» стремятся ввергнуть украинский народ в новую «духовную неволю». Что же касается митрополита Владимира, то в киевской прессе появилось открытое письмо с решительной просьбой не возвращаться «в нашу столицу Киев, где Вы только и умеете портить всякие хорошие дела».

Благо, весьма немногие из православных христиан разделяли эти идеи. «Главы украинских епархий в основной массе не признали церковную раду и заявили о своей верности Святейшему Синоду». А собрание Союза православных приходов Киева и вовсе постановило «протестовать против антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую церковь» и признать «пребывание Киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время нежелательным явлением».

Вот только для церковной рады это не стало помехой, и вернувшийся, в первой половине декабря, митрополит Владимир тут же оказался в поле ее деятельности. Бывало, во время богослужений в свой адрес он слышал крики и ругань. Требования навсегда покинуть Киев предъявляли ему разные группы священников. Наконец дело дошло и вовсе до прямых угроз, так что Липковский уже потирал руки: «митрополит Владимир в любом случае будет удален из Киева».

К слову, митрополит Владимир был не единственным, кому угрожала церковная рада. Профессор Духовной академии протоирей Федор Титов заявлял, что получил от этой самой рады письменное предупреждение: в случае выступления против нее на заседании, он будет убит! Но если соратникам женатого протоиерея все же удалось убедить его не рисковать собственной жизнью, то митрополит Владимир был непреклонен: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за веру православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца жизни буду страдать, чтобы сохранилось православие в России там, где оно началось».

ВСЕУКРАИНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР

Открытие Всеукраинского собора пришлось на 20 января 1918 года. Съехались на него «люди столь неподходящие для трудной и серьезной работы, что было даже жутко. Толпа озлобленных, возбужденных политическими страстями украинцев... как сорвавшиеся с цепей, они металась между соборянами, агитируя, возбуждая, навязывая решения. Конечно, против Москвы, москалей, кацапов, этих "ворогов ридной нэньки — Украины". Крики "Долой Москву!", "Освободимся от московского гнета!.." имели большой успех. Заседания проходили в горячих митинговых речах».

Тем не менее, митрополит Владимир не пропустил ни одного собрания, детально вникал во все дела, попутно призывая всех к осторожной, серьезной и вдумчивой работе.

А ведь с похожего «разброда, недовольства, даже взаимного недоверия» начинался Поместный Собор и в Москве. И как все изменилось после поездки его участников на поклонение мощам преподобного Сергия: «делегаты вернулись освеженные духом благодати, умиротворенные, чуждые друг другу люди сблизилась, непримиримые смягчились».

Нечто похожее произошло и в Киеве. Здесь кто-то также посоветовал всем вместе съездить на поклонение Печерским преподобным. И действительно, после совместной Литургии в Великой лаврской церкви и посещения Ближних и Дальних пещер, произошло «значительное умиротворение». Вот только дальше все пошло по совершенно иному сценарию. Именно в этот день, 27 января, на территорию Лавры залетел первый снаряд — так о себе дали знать приближающиеся большевистские войска. Они подходили к Киеву, занимали одну станцию за другой и уже 28 января были на левой стороне Днепра.

30 января с самого утра поднялся непрекращающийся грохот орудий. «Это была настоящая артиллерийская атака, надолго запомнившаяся киевлянам. Обстрел города велся попеременно из трехдюймовых и полевых тяжелых шестидюймовых орудий. По подсчетам киевских артиллеристов по Киеву выпускалось от 7000 до 10000 снарядов в день. Бомбардировка начиналась в 7 часов утра и продолжалась до часу ночи».

«На Соборе паника... Украинцы присмирели — и в растерянности: "Ах, владыка... что делать, владыка?.. благословите, владыка!.." Как все переменилось!.. Собор закрыли до лучшего времени, ничего не успев решить за те две-три недели».

Какой-то печатью обреченности отмечены все эти сторонники сугубо националистических идей — борцы за «что-то, имеющее быть осуществимым, но никогда не осуществляемое». «Всячески унижать все, что выше их, лишать прав, ограничивать, отвоевывать привилегии самим себе — вот их свойства». А вместе с тем «из христианства, из Православия во всяком случае, исчезают последние "приметы" вселенскости». Единство в Боге незаметно подменяется единством национальным. И «пока люди считают, что можно и должно служить России или Украине или вообще чему угодно в мире сем, они все равно служат идолам, и служенье это — тупик».

В ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ

В самой Лавре прежние доверительные отношения к своему священноархимандриту постепенно начали давать трещину. Клин раздора в них особенно прочно старался вбивать тот самый архиеп. Алексей. Обосновавшись с осени в Лавре, он «стал мутить монахов-украинцев. Случалось, митрополиту Владимиру нужно куда-нибудь съездить, а монахи не дают лошадей и заявляют: "владыка Алексей на лошадях уехал"».

С другой стороны, градус недоверия к владыке Владимиру повышал еще и архимандрит Климент. Добившись смещения слепнувшего, но прекрасного и чистого душой наместника Лавры архимандрита Амвросия, он, захвативши его место, с помощью своих сторонников начал продвигать среди братии «те настроения, которые не оправдывали присутствия митрополита в качестве настоятеля Лавры».

«В дневнике личного келейника митрополита отмечается, что за несколько дней до убийства к владыке пришла какая-то делегация монашествующих во главе с наместником Климентом, "все горлопаны и головорезы"; они о чем-то громко и горячо говорили, причем в тонах, далеких от пиетета по отношению к митрополиту. Они "наступали" на митрополита и чего-то настойчиво требовали... упомянутый разговор велся в таких тонах, что митрополит, после того как делегация удалась, сказал: "Видишь, что они делают?"».

Все это создавало тягостное положение, которое дошло до того, что владыка «чувствовал себя в митрополичьих покоях Лавры, как в осажденной крепости». А тут еще и большевистская навала. Обстрелы, особенно в первых числах февраля, стали наносить серьезные повреждения лаврским зданиям. Также и в городе разрушения были велики. «Возникали пожары, и огни горящих домов производили жуткое впечатление. Водопровод в городе не действовал, и пожарные команды даже не пытались тушить горящие дома». Население Киева чувствовало себя совершенно беспомощным, беззащитным, ожидая каждую минуту смерти. «Оно было захвачено врасплох. Никто не считал нужным накануне этих дней обзавестись запасами продуктов.

Оставалось либо голодать, либо искать продукты с опасностью попасть под снаряд». «Верующие люди, естественно, собирались вокруг своей святыни в Киево-Печерской Лавре. Служили ночные службы, молились до утра». Но и здесь они в полной мере не чувствовали себя в безопасности.

Вечером 5 февраля красная гвардия заняла Лавру. Комендант гарнизона пришел к архимандриту Клименту с предупреждением: «Я буду жить в лаврской гостинице, с вами у меня телефон. Если ворвутся к вам банды с обыском, с требованием денег или случится еще что-нибудь — звоните ко мне».

В те кошмарные дни в городе действительно хозяйничали вооруженные банды. Они безнаказанно грабили и убивали людей. Понятно, что «Лавра для бандитов была весьма соблазнительным объектом. С одной стороны, все знали, какие огромные ценности сосредоточены в монастыре, много говорили о богатстве монахов. С другой стороны, Лавра и монахи были совершенно беззащитны... Они не умели и не могли постоять за себя. Большинство бандитов были настроены сугубо революционно». «Они врывались в храмы, с шапками на головах и папиросами в зубах, производили крик, шум и безобразия во время богослужения, произносили невыразимые ругательства и кощунства над святыней, вламывались в жилища монахов днем и ночью... обыскивали и грабили, издевались и секли нагайками... Подобные насилия происходили в течение всего дня 6 февраля».

Как раз в этот день, утром перед Литургией в Великой церкви митрополит Владимир служил акафист Успению Божией Матери, совершая последнее в своей жизни церковное священнодействие.

ДЕНЬ РАСПРАВЫ

В четверг 7 февраля, около трех часов дня, вооруженная шайка, примерно из пяти человек, войдя через центральные ворота, направилась напрямиком в лаврскую трапезную. «В то время как монахи их кормили, начались расспросы: [А почему у вас нет комитетов?] довольна ли братия начальством? не имеют ли монахи каких-либо жалоб?.. Послушники стали жаловаться на притеснения: народ несет в Лавру большие деньги, а поедает их "он"... — и они указали наверх, где находились покои митрополита». Перед уходом один из налетчиков заявил: «Больше вы митрополита не увидите...».

«Епископ Прилукский Феодор, который в это время гостил у митрополита Владимира, рассказывает приблизительно так. После обеда они с владыкой поднялись на верхнюю террасу, откуда открывается далекий вид на Заднепровье, и стали наблюдать за сражением, которое в это время разыгрывалось между украинскими частями и большевиками. Митрополит внимательно следил за разрывами снарядов и делал свои меткие замечания. В это время явился келейник и доложил, что пришли какие-то вооруженные люди и спрашивают митрополита. Владыка вышел в приемную».

Непрошенные гости тут же потащили его в спальню. Что там происходило — неизвестно. Разве что оставшийся в приемной солдат дал понять келейнику, что они намерены «разобраться с митрополитом за то, что он обижает братию, отбирает половину доходов Лавры и не позволяет монахам создать братский совет».

Примерно через два часа владыку вывели обратно в приемную. Минута епископа Феодора, он шепнул: «Грозят расстрелом» и стал одеваться — «накинул на себя шубу, надел белый клобук, взял в руки посох и в сопровождении упомянутых вооруженных людей вышел на лаврский двор». «"Прощай, Иван..." — успел сказать келейнику митрополит».

«В этот роковой вечер перед верующими, вышедшими из Великой церкви на лаврский двор, предстала необыкновенная картина. Еще не было совершенно темно, да и снег давал блики, и потому можно было отчетливо различать все окружающее. От митрополичьих покоев двигалась странная процессия: впереди с фонарем шел какой-то неизвестный солдат, а за ним окруженный четырьмя вооруженными людьми шествовал священноархимандрит Лавры, митрополит Владимир... Никого из монастырских людей около митрополита не было... Слух о том, что митрополита куда-то увели неизвестные люди, возможно на расстрел, быстро разнесся по Великой церкви, однако, это сообщение не всеми было принято с тревогой за судьбу митрополита». Разве что епископ Феодор немедленно позвонил по внутреннему лаврскому телефону архимандриту Клименту и попросил его прислать на помощь монастырскую охрану (состоявшую в то время из одиннадцати вооруженных монахов и послушников). Наместник обещал это выполнить. Однако никто на защиту митрополита так и не явился.

«Монахи, видевшие, как уводили их священноархимандрита, не только не подняли тревоги, не ударили в набат, но и звука никому не сказали». Позже они объясняли свое молчание растерянностью, паникой: «Мы были парализованы...». Это было поистине великое помрачение ума. «Ни мы, — вспоминал митрополит Вениамин (Федченков), — ни монахи и пальцем не двинули, чтобы помочь архипастырю... И опять скажу: мы заслужили скорби, которые потом обрушились и на нас!».

«Обстоятельства гибели одного из самых уважаемых и самых авторитетных митрополитов Русской Православной Церкви заставили членов Поместного Собора задуматься еще и над тем, что происходит с самой Церковью, о том, что не только извне, но и изнутри ей угрожают серьезные испытания».

85-е деяние Собора полностью было посвящено митрополиту Владимиру. Открывал его Патриарх Тихон: «Преосвященные архипастыри, отцы и братие! То ужасное кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух. И еще, надеемся, много и много раз православный русский народ будет искать себе выхода из тяжелого состояния духа и в молитве, и в других сладостных воспоминаниях о почившем убиенном митрополите... Мне Господь судил еще лет 15 тому назад заседать с высокопреосвященным митрополитом Владимиром в Святейшем Синоде. И тогда, а особенно впоследствии, неоднократно во время таких заседаний невольно бросалась в глаза его великая ревность, которая снедала его о слове Божиим, о Доме Божиим, о пользе Святой Церкви. Особенно эта ревность его пылала, когда он сделался первенствующим членом Святейшего Синода. Он был верен канонам Святой Православной Церкви, преданиям отеческим и безбоязненно и смело, честно и благородно исповедывал эту снедающую его ревность пред всеми, какими бы последствиями это не сопровождалось. Может быть, некоторым из тех, кои любят сообразоваться с веком, казалось это отсталостью, косностью, неподвижностью, но все истинные сыны Царства Божия оценят эту ревность и верность канонам и преданиям отеческим в Бозе почившего митрополита. Господь за эту ревность увенчал его мученической кончиною и на нем исполнилось слово Святого Апостола Павла, который говорит: "вам дано... не только веровать во Христа, но и пострадать за Него" (Флп. 1:29)» ■

ЧЕХОВ: ИСКУССТВО СНИМАТЬ НАЛЕТ ФАЛЬШИВОСТИ

Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть

Промышленная революция XIX века до того вскружила голову человечеству, что абсолютное счастье казалось совсем не за горами. Люди овладевали силой пара, силой электричества, покоряли небо... Еще немного, и все должны были стать свидетелями, как долго угнетаемый крепостным правом «гадкий утенок» наконец-таки превратится в прекрасного и полного свободы лебедя. Однако, чуда не произошло — скорее наоборот. Вместе с развитием идей гуманных, куда более стремительно росло искусство порабощения. Многие полагали, что они свободны и ни в чем не имеют нужды, но не замечали, как они «несчастливы, и жалки, и нищи, и слепы, и наги». Пора было показать всю убогость и бездушность мира, который видит себя не иначе как раем, и обнажить звериный оскал человечества, уже приписавшегося к небожителям.

ЗА КУЛИСАМИ ГУМАНИЗМА

В то время, когда крепостное право окончательно отправили на свалку истории и когда в честь тридцатипятилетия его отмены для московских литераторов в гостинице «Континенталь» устроили торжественный обед, Чехов был вне себя: «Обедать, пить шампанское, говорить речи о народном сознании,

о народной совести, свободе и т.п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера, — это значит лгать Святому Духу».

Это была та самая вспышка, которая в последующих его произведениях разольется куда более ярким светом: «Крепостного права нет, зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же как во времена Батые, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным. Такой порядок прекрасно уживается с какими угодно веяниями и течениями, потому что искусство порабощения тоже культивируется постепенно. Мы уже не дерем на конюшне наших лакеев, но мы придаем рабству утонченные формы, по крайней мере умеем находить для него оправдание в каждом отдельном случае... В жизни все зло, мне кажется, от праздности, от скуки, от душевной пустоты, а все это неизбежно, когда привыкаешь жить на счет других... Комфорт и удобства обладают волшебной силой; они мало-помалу затягивают людей даже с сильною волей» (Моя жизнь).

И вот еще парадокс: чем громче с трибун заявляли о гуманизме, тем сильнее, тут же за кулисами, грабили и забирали последнее у бедняка. Словно для отвлечения внимания все эти возвышенные речи только и создавались. Этот жизненный казус нашел свое отражение в «Вишневом саде». Сколько всего здесь говорили о помощи слегшему по болезни Фирсу, сколько тревоги — как бы отправить его в больницу. И никто так и не удосужился заглянуть в соседнюю комнату, где он лежит и проверить, сделано ли то, в чем все так настойчиво себя уверяют. Нет, им всем не до человека. И Фирс оказывается, по сути, заживо замурованным в этих стенах. «Заперто. Уехали... Про меня забыли...» (Вишневый сад).

Не случайно этот трагический сюжет Чехов назовет именно комедией. Как ловко заметит Чаплин, жизнь, и вправду, напоминает комедию, если смотреть на нее издали, и она же представляется трагедией, когда смотришь на нее крупным планом. А «гуманизмов на свете столько же, сколько и убийц. И у каждого убийцы свой собственный, самый благородный гуманизм...».

СЕ СТОЮ И СТУЧУ

А вместе с тем, без реальной заботы об умирающем «недотепа» Фирсе никакого счастья, кроме счастья сизифова труда, быть не может. И сколько себя не береги, а все равно найдется тот, кто пристанет к тебе со своим горем, или же оно само нагрянет нежданно-негаданно — и считай, все пропало. Опять беги к психологу, опять принимай таблетки, опять начинай все сначала. И так без конца, до тех пор, пока человек не поймет: «жизни только потому и жизнь, что живет другим». И даже если очень сильно «захочется животного счастья, то жизнь все равно не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огорошивать тебя ударами» (Записные книжки).

Эти удары, эти постукивания в дверь нашего благополучия — излюбленный чеховский прием. «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человека с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, — и все обстоит благополучно... [и только] дождь стучал в окна всю ночь» (Крыжовник).

Забавно: не «дождь шел всю ночь», а именно — «стучал в окна». Словно отсылка к знакомому библейскому мотиву: «Се, стою у двери и стучу: если

кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20).

Но, люди уютно спят и не желают ничего слышать. А если заботятся, то скорее о том, чтобы дверь была наглухо заперта. И нет им никакого дела, что там на душе Ионы, с его громадной, не знающей границ, тоскою: «Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно... Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске... Обращаться к людям он считает уже бесполезным» (Тоска). Только своей кобылке он может сполна открыть свою душу: «Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей все...» (Тоска).

И вот вопрос: что же мы такое, если даже животное откликается на эту боль? Откуда в нас это «окамененное нечувствие», эти глухие стены, отгораживающие нас и от всего живого, и от самой Жизни?

«Весь ужас положения в том, что некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобию; масса труда, точно снеговые обвалы, загородили все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить...» (Дом с мезонином).

НАУКА БОЛЬШЕ НЕ ЗАЩИЩАЕТ ОТ ВАРВАРСТВА

Может показаться странным, но университеты как раз и создавались ради заботы о человеческой душе. Хотя бы в зародыше они были подготовкой для неба и еще одним пространством для созерцаний. И Чехов оказывается глубоко прав, утверждая, что «науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут Бога, душу» (Дом с мезонином).

Но со временем «весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, преходящих нужд... У ученых, писателей и художников кипит работа, по их милости удобства жизни растут с каждым днем, потребности тела множатся, между тем до правды еще далеко, и человек по-прежнему остается самым хищным и самым нечистоплотным животным... При таких условиях жизнь художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль, так как на поверку выходит, что работает он для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок» (Дом с мезонином).

Что же касается прогресса, то его лучше добиваться «в делах любви, в исполнении нравственного закона. Если вы никого не поработаете, никому не в тягость, то в жизни, которая вся построена на рабстве, разве это не прогресс? По-моему, это прогресс самый настоящий, и пожалуй, единственно возможный и нужный для человека» (Моя жизнь).

ДВОЙНИКИ ЦЕРКВИ

В отличие от университетов, Церковь своего предназначения не утратила. Зато нажила себе двойников — этого обмельчания духовной жизни, когда «казаться» становится привычнее, чем «быть» и когда запреты и правила подминают под себя все живое.

Тема церковных двойников в литературе совсем не новая. Однако, если для Достоевского ферапонтовская игра в религию была проявлением «злой» возможности в пределах монастырской среды, то в рассказах Чехова эта двойственность разыгрывается на почве семейных отношений, когда семейное счастье подменяется «Домостроем», иначе говоря благочестием и только.

Так, в рассказе «Архиерей», викарный епископ Петр из-за высокого сана и окружающей его атмосферы почести и величия уже не позволяет, а может и стыдится самых сокровенных чувств, даже в отношении к родной матери, да так, что и старуха боится своего материнского отношения к сыну: «И, несмотря на ласковость, с какой она говорила это, было заметно, что она стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему ты, или вы, смеяться или нет, и как будто чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью... Он смотрел на мать и не понимал, откуда у нее это почтительное, робкое выражение лица и голоса, зачем оно, и не узнавал ее. Стало грустно, досадно... И почему, спрашивается, с Сисоем она говорила без умолку и смеялась много, а с ним, с сыном, была серьезна, обыкновенно молчала, стеснялась, что совсем не шло к ней?.. Только по необыкновенно добрым глазам, робкому, озабоченному взгляду, который она мельком бросила, выходя из комнаты, можно было догадаться, что это была мать» (Архиерей).

Удивительно, но чеховский взгляд словно проникает в душу молодого епископа Евлогия (Георгиевского), который также чувствовал, что в его отношениях с отцом что-то изменилось: «Мое епископство внесло какую-то стеснительность, не было между нами былой простоты, близости, непосредственности. Бытовая сторона архиерейского сана создавала отчужденность. Обстановка, в которой я жил, атмосфера торжественности, которая меня окружала... отца восхищали — он сиял! Но неестественность наших отношений дала себя остро почувствовать в первое же воскресенье, когда он пожелал сослужить и мне пришлось давать отцу целовать руку...».

А заканчивается рассказ все тем же постукиванием. Разве что, вместо капли дождя в дверь к епископу Петру постучалась смертельная болезнь: «мать, увидев его сморщенное лицо и большие глаза, испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки... и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного. "Павлуша, голубчик, заговорила она, родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!" . А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (Архиерей).

Похожее искажение отношений отравляло жизнь и диакону Любимову. Его отцовские чувства разрывались между милосердием и строгими наставлениями благочинного отца Федора: «Ты родитель, твое чадо! Ты должен был наставлять, внушать страх Божий... Ну, пиши... Христос воскрес, любезный сын... знак восклицания... Именем ты христианин, но по сущности своей язычник, столь же жалкий и несчастный, как и все прочие язычники, даже еще жалчее...» (Письмо).

В образе благочинного легко угадывается Павел Егорович Чехов. Он также писал обличительные письма своему старшему сыну Александру, также любил наставлять его на «правильный» путь и также не хотел понимать, как жестоко подрезает слабые крылья резкая, хотя бы и справедливая, критика. Александр-то ожидал совсем другого: «Нам хочется услышать от вас что-то доброе, человеческое, а слышишь только одни наставления ходить в церковь».

«Не следует унижать людей — это главное, — запишет впоследствии Антон Павлович. — Лучше сказать человеку "мой ангел", чем пустить ему "дурака", хотя человек более похож на дурака, чем на ангела». И в повести звучит тот же мотив, правда, из уст запрещенного в служении отца Анастасия: «письмо славное, но только того... не посылать бы его... Бог с ним!... зачем язычником обзывать? Ведь ему, дьякон, обидно... Прости, Бог с ним! Я тебе... вам по совести.

Ежели отец родной его не простит, то кто ж его простит? Так и бюджет, значит, без прощения жить? А ты, дьякон, рассуди: наказующие и без тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующих искал! Прямо так возьми и напиши ему: прощаю тебя, Петр! Он пойме-ет! Почу-увствует! Я, брат... я, дьякон, по себе это понимаю. Когда жил как люди, и горя мне было мало, а теперь, когда образ и подобие потерял, только одного и хочу, чтоб меня добрые люди простили. Да и то рассуди, не праведников прощать надо, а грешников» (Письмо).

Но, ни здесь, ни в «Святой простоте» — где такой же полный благочестия отец узнает о дурной славе родного сына — не хватает сил признаться, что все это безобразие во многом есть отражением и собственного характера, умело спрятанного, даже от самих себя, за привычными родительскими манерами. Может быть, поэтому старику ничего не остается, кроме как побыстрее отправить гневное письмо, пусть и со смягчающей допиской, или же броситься в объятия сыновьей шубы, которая одна только способна удержать ускользающую из рук приятную иллюзию его праведности: «Старика опять потянуло к сыну поболтать, поговорить "по-ученому", вспомнить былое, но уже не хватило смелости беспокоить занятого адвоката. Он ходил, ходил по темным комнатам, думал, думал и пошел в переднюю поглядеть на шубу сына. Не помня себя от родительского восторга, он охватил обеими руками шубу и принялся обнимать ее, целовать, крестить, словно это была не шуба, а сам сын» (Святая простота).

Словно какая-то неведомая сила мешает сознаться в том, что думаешь, что хочется высказать вслух. «И вот тут нужно воспитать в себе очень много мужества, чтобы заглянуть человеку в глаза, с тем чтобы увидеть правду его слов, вслушаться в звук голоса; чтобы услышать правду или ложь в этих словах и чтобы сказать человеку: Не притворяйся, не лги, не говори мне, что хорошо, — это неправда; у тебя душа болит, тебе страшно, тебе одиноко и ты больше не веришь, что даже твой друг, самый близкий, отзовется» (митр. Антоний Сурожский).

Впрочем, бывает, что слова уже бесполезны. Игра в религию, порой, доводит до того, что от «наслаждения» уставом отказаться уже невозможно. «Яков Иваныч... у себя дома прочитывал все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь... он строго держался устава; так, если в Великом посту в какой-нибудь день разрешалось, по уставу, вино "ради труда бденного", то он непременно пил вино, даже если не хотелось. Создание этого порядка и его важности доставляло Якову Иванычу во время молитвы большое удовольствие. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этот порядок, то его мучила совесть и он чувствовал себя несчастным... Брат Матвей почти каждый день во время молитвы входил в моленную и кричал: "Образумь-тесь, братец! Покайтесь, братец!" От этих слов Якова Иваныча бросало в жар... Или ночью, подкравшись, Матвей входил в моленную и говорил тихо: "Братец, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь с братом твоим и тогда пришед, принеси дар твой. Вы же деньги в рост даете, водочкой торгуете. Покайтесь!" В словах Матвея Яков видел лишь обычную отговорку пустых и нерадивых людей, которые говорят о любви к ближнему, о примирении с братом и проч. для того только, чтобы не молиться, не постить и не читать святых книг... А все же он был взволнован и уже не мог молиться, как прежде... По ночам он спал теперь нехорошо... Он боялся, что войдет Матвей, и был уверен, что он войдет и чувствовал против него злобу, которой не мог одолеть ни молитвой, ни частыми поклонами... Сжав кулаки он прошел через сени ... и тут долго ходил из угла в угол, тяжело ступая... Ему уже было ясно, что сам он недоволен своею верой и уже не может молиться по-прежнему... Но как молиться?... Кто может научить? Какая беспомощность! Он остановился

и, взявшись за голову, стал думать, но то, что близко находился Матвей, мешало ему спокойно соображать... и только когда полилась по его рукам кровь... и когда грузно повалился Матвей, Яков перестал чувствовать злобу...» (Убийство).

Да уж, «слишком сильна прививка "благочестия", слишком, по-видимому, прекрасно оно в качестве "опиума для народа". И получается удивительная, по своему противоречию Евангелию, двойственность: благочестие и жизнь... В благочестии — логика благочестия, а в жизни — логика зла: вот к чему все это неизбежно приводит» (о. Александр Шмеман). И как же мы не понимаем, что «уставы есть стены, которые огораживают действительно имеющееся сокровище. Но великая ложь — огораживать пустое место» (Сергей Фудель).

А где же выход?

«Я хотел только честно сказать людям: "Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живете!.." Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: "Поймите же, как вы плохо и скучно живете"».

Но, есть ли выход из этих скучных историй или Чехов всего лишь готический писатель, для которого выхода нет и который лишь только прикасается к самой черной язве, не в силах исцелить ее? В таком случае, нужна ли человеку правда? Способен ли он вообще выдержать правду? Не лучше ли тогда дать ему какое-то самоутешение, навевать золотой сон? Ведь растоптать мечту, пусть и ложную, как и лишить ребенка игрушки — по меньшей мере, жестоко. Да и что собою представляют все эти «самое важное», «самое главное» как не намек? Но, как раз в этом вся соль, в этом и дело, что «по мере приближения к "реальности" все меньше нужно слов». Подлинная жизнь не поддается описанию. Мы располагаем лишь ее отблеском, лишь ее тенью. Писатель безоружен перед ее взором и, может быть, единственное что ему остается — это убеждать, что все остальное ложь и напрасное томление сердца. А это хоть и не прямой, но все же путь к истине. Путь хирургически точного вскрытия всего надутого, приподнятого, неискреннего и пошлого. А там гляди, — и не узнать прежнего человека: «Яков опять стал возноситься к Богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру, ту самую, которой так жаждал и так долго искал и не находил весь его род, начиная с бабки Авдотьи. Все уже он знал и понимал, где Бог и как должно Ему служить, но было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого... и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека» (Убийство).

Узнав о смерти Чехова один, близко знакомый Шмелеву, диакон воскликнул: «Ах Господи... как он "Архиерея"-то изобразил! Читаю — и плачу, от радости... Ну, кто мог бы так ласково описать?.. с такой любовью?!.. Ну, кто так мог сердце ма-те-ри!.. а?.., рыдаю, обливаюсь от умиления... А они — „он в Бога никак не может веровать! он естественные науки знает, и сам врач“. А я им в нос "Архиерея"! А я им... "Святою ночью"!... "Студента"... Ну, скажите... это "атеист"-то, мог так... а?... Зачем же, зачем, спрошу вас, такая ложь на него?!.. Прости меня, Господи, а скажу. Святой он, не нам суд судить... а — святой!.., по духу святой, по сердцу святой... чи-стый, вот что главное! Его надо каждому мальчишке давать читать, девчонке каждой давать читать... для душевного очищения, для благородства души... Царство ему небесное» ■

иеродиакон Лонгин (Загородный)

Мгновения поэтического вдохновения

Господи, помоги!

Господи, прости и укрепи нас в вере
В мире — хаос мнений, суета сует.
Мечемся, спешим, как в карусели,
А для главного, и времени то нет.

Впереди у нас конечно — Вечность,
Сами выбираем — Жизнь иль смерть.
Господи, помоги не впасть в беспечность,
Разобраться, где же тьма, где Свет.

архимандрит Варнава (Кальпета)

Наша Церковь — несокрушима!
Наша Церковь — победит!
Истина — непреодолима.
Тот, кто с Истиной — устоит.

Думаете не пытались,
Нашу Церковь, уже, сломить?
Только, где они, те, что старались? —
Об этом, только — у Бога спросить...

Канули все революционеры,
Канули все еретики,
Цари, правители все оголтелые,
Пилаты Понтии: их — не найти...

Не только их самих... Но, их старания...
Не то, чтоб канули, о, если б! — Нет.
Для Церкви, это, только — испытания,
Но, горе тем: кто гасит свет.

Кто борется с Любовью, Правдой,
Тот выжигает это, прежде, у самого себя.
И никакой ему палач, затем, не надо.
Он, сам себе палач, в объятиях огня.

Огонь любви, и — пустота горения:
Две сути — разного огня.
Одна — бессмертной радости и наслаждения.
Другая — вечной муки для тебя.

Несокрушима Истина в своей природе;
Но, тот, кто в Истине не устоит,
Теряет смысл существования, как вроде.
Ведь, этот смысл, лишь Ей принадлежит...

И разбиваются о камни судьбы,
И слышен Истины неутомимый плач в веках —
Все, кто Её покинул, они, не просто люди,
Они: Её любовь и мука и печали страх...

архимандрит Лукиан (Коршунов)

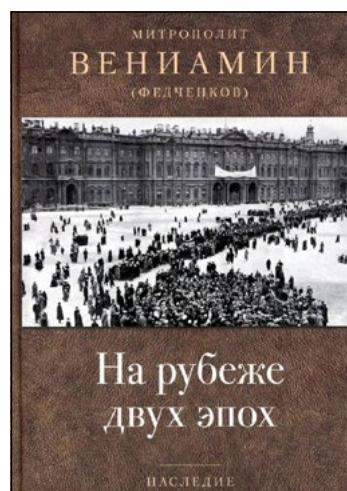
РЕКОМЕНДУЕМ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВЯТО-УСПЕНСКОЙ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Протоиерей Георгий Чистяков **НАД СТРОКАМИ НОВОГО ЗАВЕТА**

В основе этой книги — цикл бесед священника Георгия Чистякова, посвященных тому, что в средние века называли духовным чтением Писания. Это попытка научиться читать Евангелие так, чтобы из чтения рождалась наша личная молитва, а из молитвы выросло устойчивое желание ответить в нашей реальной жизни на тот призыв, с которым к нам обращается Иисус; чтобы, открывая Евангелие с любого места, сразу включаться, входить в число тех учеников, которые слушают Учителя с горящими глазами — слушают не для того, чтобы просто запомнить все, что Он говорит, но чтобы ответить на те слова, с которыми Он к ним — а, следовательно, и к нам — обращается.

Митрополит Вениамин (Федченков) **НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ**

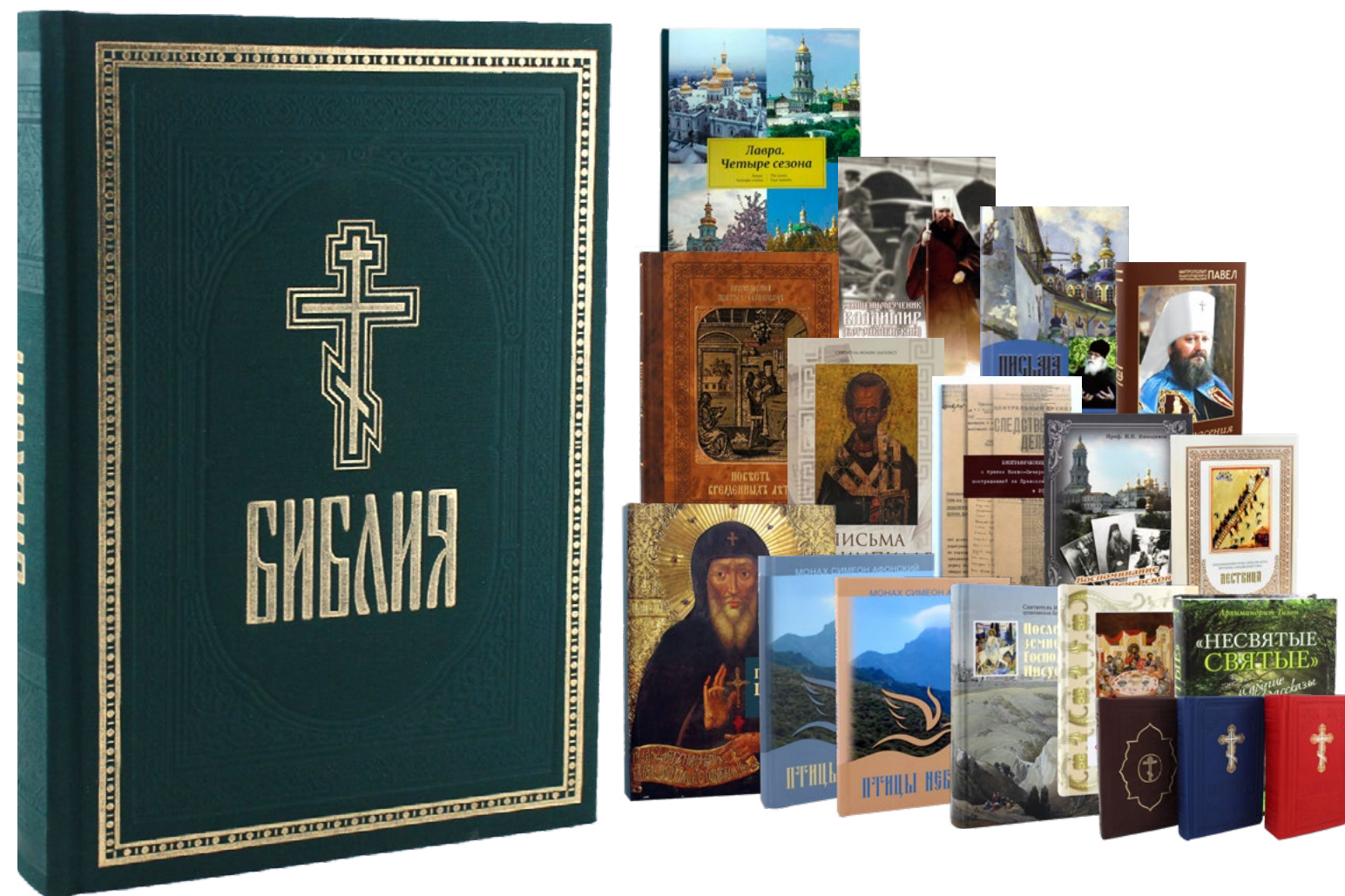
Мемуары митрополита Вениамина (Федченкова) представляют собой ценное свидетельство о церковной и общественной жизни в начале XX столетия. Владыка соединяет личный опыт, богословские размышления и наблюдения за жизнью Церкви в годы испытаний. Книга раскрывает внутренний путь архипастыря, его встречи с церковными деятелями, переживание революции, гонений и эмиграции. Это честное и глубокое свидетельство одного из архиереев Русской Православной Церкви, жившего на границе двух эпох и сохранившего верность Христовой Церкви в столь непростое для нее время.

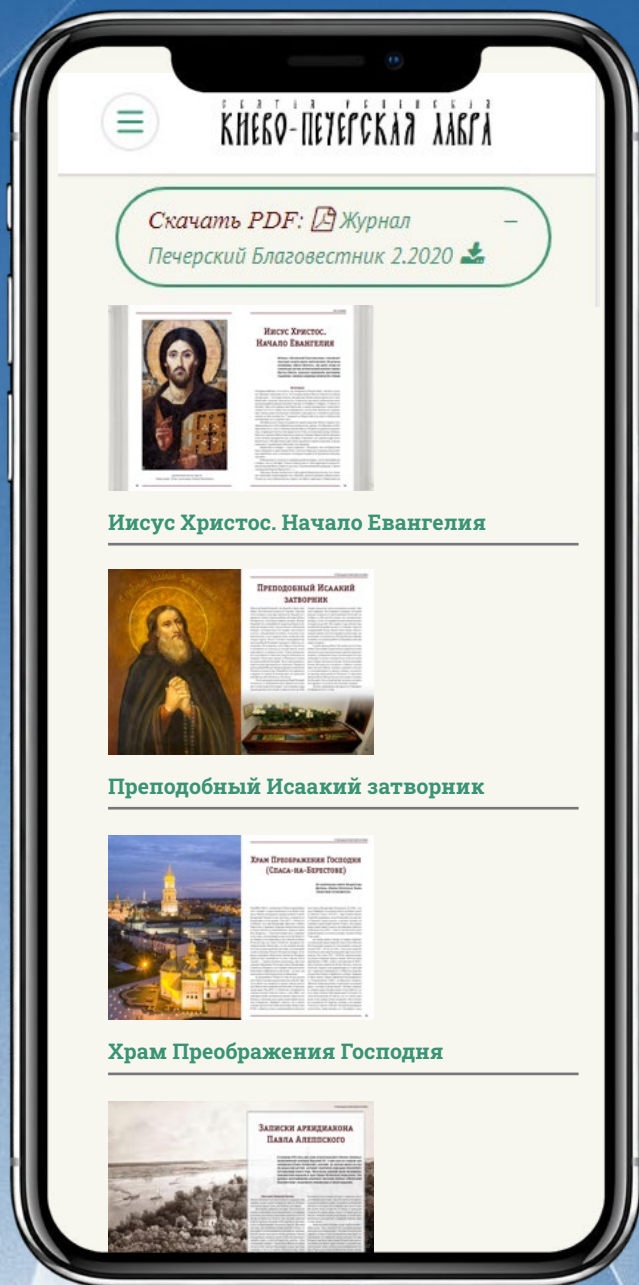
Схиархимандрит Гавриил (Бунге) **О МОЛИТВЕ В ДУХЕ И ИСТИНЕ**

«Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:23), — сказал Иисус Христос самарянке. С поклонением Отцу, то есть Богу Авраама, Исаака и Иакова, как будто все ясно. Но что означают слова «в духе и истине»? Рассмотрению этого вопроса с богословской, или, правильнее было бы сказать, духовной точки зрения и посвящен труд схиархимандрита Гавриила (Бунге). Автор на основе творений аввы Евагрия Понтийского пытается раскрыть суть и цель христианской молитвы, приблизив тем самым читателя к наследию и молитвенной практике святых отцов.

Издательство Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры хранит и бережно развивает традиции церковного книгоиздания, которые берут свое начало от преподобного Нестора Летописца. Периодически выпускается литература, необходимая для свидетельства о Христе и Его Церкви в современном мире. Это книги Священного Писания, богослужебные книги, календари, журнал «Печерский Благовестник», научно-богословская, духовно-просветительская и детская литература

Журнал также доступен в электронном формате

WWW. LAVRA.UA/VESTNIK

